

Русский
толстый
журнал как
эстетический
феномен

Последнее обновление: 01.11.2009 / 13:22

Обратная связь: zhz@russ.ru

Все проекты ЖЗ:

[Новые поступления](#)

[Афиша](#)

[Авторы](#)

[Обозрения](#)

[О проекте](#)

Поиск

Опубликовано в
журнале:

[БИностранная
литератураі 2002,
с1](#)

Жан-Филипп Туссен

Фотоаппарат

Роман. Перевод с французского И. Радченко

версия для печати (2959)

Б Л Ц Ы І

Приблизительно в один и тот же период на обозримом горизонте моей жизни Ч обычно спокойной и безбурной Ч совместились два события, каковые, если брать их порознь, не представляли ни малейшего интереса, а при сопоставлении не обнаруживали, увы, никакой взаимосвязи. В самом деле, едва я решил обучиться вождению автомобиля и начал свыкаться с этой мыслью, как меня настигла пришедшая по почте весть: давно потерянный из виду приятель в отпечатанном на машинке письме Ч старенькая такая машинка Ч извещал меня о своей женитьбе. Между прочим, если я чего и не терплю, так это потерянных из виду друзей.

Итак, однажды утром я явился в контору автошколы. Помещение было просторное, сумрачное, в глубине стояли рядами стулья, обращенные к экрану. По стенам Ч разнообразные дорожные указатели и там-сям несколько старых выцветших бледно-голубых афиш. Меня приняла молодая особа; ознакомив со списком необходимых для поступления на курсы документов, она уведомила меня о ценах и количестве занятий: десяток по теории и уроков двадцать по вождению, если пойдет успешно. Затем она достала из ящика и протянула мне анкету, которую я возвратил не глядя, дескать, срочности нет, и, если возможно, лучше я заполню ее после, скажем, когда принесу документы, так будет проще.

Всю первую половину дня я провел дома, затем почитал газету, написал несколько писем. Ближе к вечеру я волею судеб снова оказался перед дверьми автошколы и, раз уж так случилось, вошел, а молодая особа, увидев меня, подумала, что я и вправду уже готов записаться. Я вынужден был рассеять ее заблуждение, однако дал понять, что дела идут, копия паспорта уже имеется и в ближайшие часы я намерен выяснить кое-что относительно справки о семейном положении. Она взглянула на меня рассеянно и, между прочим, напомнила про фотографии (да, да, четыре штуки, кивнул я).

В тот же вечер я все-таки обзавелся означенной справкой (и более того, копией с нее) и снова появился в автошколе. В дверях я на секунду задержался, обратив взор к возвещавшему мои приходы и уходы медному звонку, по которому отчаянно лупил маленький молоточек. Молодая особа объяснила мне с улыбкой, что, находясь в конторе, обычно отключает звонок, затем встала, обогнула стол и в легоньком светлом платьице направилась к двери показать, как работает выключатель звонка. Весьма остроумное, скажу вам, приспособление: мы несколько минут развлекались, включая его и выключая, открывая и закрывая дверь то изнутри, то снаружи, где уже начинало смеркаться. Как раз в то время, когда мы оба вышли на улицу, внутри зазвонил телефон. Мы поспешили назад; пока она разговаривала, я, стоя напротив нее, передвигал кончиком пальца предметы, лежавшие у нее на столе, и листал книгу записей. Повесив трубку, она спросила, далеко ли я продвинулся в составлении своего досье, а затем мы вместе провели род инвентаризации уже собранных документов. Не считая конвертов с марками, для регистрации моего личного дела не хватало, кажется, только фотографий. Впрочем, перед тем как попрощаться, я поведал ей, что отыскал дома несколько своих детских фотокарточек. Сейчас покажу, сказал я, доставая из кармана пиджака конверт, затем, обойдя стол, стал вытаскивать карточки одну за другой и, перегнувшись через ее плечо, пальцем подкреплять устные комментарии. Здесь я стою рядом с отцом, а на руках у матери моя сестра. А тут мы с сестрой в бассейне, малютка за буйком

Ч это сестра. Ну вот, заключил я, убирая фотографии, полагаю, вы согласитесь, что нам от них проку мало (в личном деле, добавил я).

Когда на другое утро я пришел в автошколу к открытию (само собой, без фотографий, даже и не спрашивайте), молодая особа собиралась пить чай и кипятила воду на маленькой плитке. Поверх вчерашнего платья на ней был толстый белый шерстяной свитер, и выглядела она еще не проснувшейся. Чтобы не докучать ей, я сел на один из стоявших рядами против экрана стульев и, развернув газету, погрузился в чтение. Пока я знакомился с новостями, мы перебрасывались ничего не значащими фразами, а когда ее чай поспел, она, зевнув, предложила мне присоединиться. Чай, нет, ответил я, не прерывая чтения. А вот от чашечки кофе Ч и тут я закрыл газету Ч не откажусь. Можно растворимого. Молодая особа отправилась покупать кофе (возьмите заодно и круассанов, сказал я), а я, оставшись в конторе автошколы один, запер застекленную входную дверь на крючок, чтобы никто мне не мешал. Только я углубился в газету, как услышал за спиной легкий стук по стеклу. Скрепя сердце я поднял голову и обернулся, но вместо хозяйки увидел юнца, невзрачного притом, в каком-то зеленом плаще, мокасинах и белых носках. Я снова отложил газету, неторопливо поднялся и пошел отпирать Ч не знает он, какой его ждет прием. Что вам угодно, спросил я. Мне исполнилось восемнадцать, отвечал тот (полагая, очевидно, что срзлит меня своим заявлением наповал). Закрыто, сказал я. Но я уже вчера приходил, не унимался он, мне только личное дело сдать. Не будьте таким настырным, сказал я, потупил взгляд и закрыл дверь. Он ушел, а я остался стоять, засунув руки в карманы плаща и задумчиво глядя на улицу. На тротуаре птички нет-нет да что-то поклевывали. Чуть дальше мой юнец обтрепанными резиновыми стяжками прилаживал свое досье к багажнику мопеда. Напоследок он обернулся в мою сторону, затем оседлал мопед и покатил по улице вслед автобусу Ч безнадежный случай. Потом мы позавтракали с молодой особой, сидя лицом к экрану и поставив перед собой один из стульев вместо стола; мы надорвали вдоль упаковку круассанов, поболтали о том о сем, немного познакомились. Она сидела рядом со мной нога на ногу и, засучив рукава вязаного свитера, поглаживала себе руку выше локтя, по-прежнему опустив голову, словно бы все еще не проснулась. Мы поговорили обо всем и ни о чем, не спеша прихлебывая каждый из своей чашки. Пока она убирала посуду, я смахивал в ладонь крошки со стула и на ее вопрос о моих планах на сегодня отвечал, что постараюсь, вероятно, заняться фотографиями. Она уселась за рабочий стол и, раскладывая какие-то бумаги, заметила, зевая, что такими темпами я никогда не соберу свое досье. Лично я не стал бы это утверждать с подобной категоричностью. Полагаю, она недооценивала мою методику, не понимала, что тактикой хождения вокруг да около Ч подозрительной на первый взгляд Ч мне удастся размягчить и сделать более податливой неуступчивую реальность, как размягчают, чуть надавливая, маслину и потом ловко подцепляют ее на вилку, и что склонность ничего не форсировать мне не только не вредит, но, напротив, подготавливает благоприятную почву, на которой обстоятельства постепенно вызревают, и я Ч у цели.

Утро прошло без приключений. Часов в одиннадцать мы поехали забирать из школы ее сына. Пьер, ребенок от первого мужа, как она объясняла, пока мы катили к школе на здоровенном "вольво", был поначалу сильно травмирован разводом (да, да, воображаю, поддакивал я), но теперь учится превосходно и получает только оценки "А" по всем предметам, и по арифметике, и по физкультуре. Мы ехали очень быстро; сидя рядом, я исподволь за ней наблюдал, замороженный контрастом между фантастической скоростью, с какой она вела машину, и ее безмятежно сонным видом: казалось, глаза ее, защищенные очками Ч она надевала их за рулем, Ч вот-вот закроются, и она сладко заснет. И по рисованию, зевнула она, по рисованию. Даже по рисованию, кивнул я. Да, да, подтвердила она, чуть было не рассердившись, что я позволил себе усомниться в выдающихся способностях юного Пьера. Пьер, когда вырастет, говорила она, будет свободно владеть несколькими языками, обязательно английским и японским, японским особенно Ч язык будущего. Через тридцать лет весь мир будет говорить на японском. Да, да. В деловом общении, уточнила она, зевнув (очаровательное создание), в деловом. Пьеру это понадобится: он гуманитарий и станет экономистом или дипломатом. А пока что на нем была красная курточка с капюшоном и шерстяной шлем, и мы растроганно глядели на него сквозь решетку школьной ограды. Рядом с нами на тротуаре стояла группа мамаш, по-видимому давно знакомых между собой, они болтали в сторонке, обращая друг к другу на "ты". Мы зашли в ограду, я остался ждать у ворот, а молодая особа углубилась во двор. Чувствуя себя не слишком уютно на школьном дворе среди незнакомых

людей, я прошелся вдоль решетки, пока моя знакомая беседовала с учительницей Пьера. В конце концов я к ним присоединился, учительница кивнула мне, не переставая разговаривать с матерью, я кивнул в ответ и скрестил руки на груди. Педагог поделилась с нами своим мнением о Пьере, тот, по ее словам, отлично успевал по многим предметам, но вел себя на уроках плоховато, о чем она глубоко сожалела, а далее, вероятно полагая, что ее соображения лучше будут поняты отцом, она обращалась уже ко мне одному, я же слушал ее с озабоченным видом и покачивал головой (понимаю, говорил я, понимаю), охотно допуская, что такой непоседа может с легкостью взбаламутить целый класс.

В последующие дни мне пришлось ненадолго отлучиться в Милан. Я провел там двое бесконечных, насколько помнится, суток и в промежутках между назначенными встречами шатался по городу в поисках английских и французских газет, которые прочитывал, можно сказать, от корки до корки то в одном парке, то в другом, переходя со скамейки на скамейку вслед за солнцем. Шаловливый лучик щекотал мне ноздри, и, читая, я чихал под воздействием легкой бодрящей аллергии, нередко возникающей при контакте с первым весенним солнцем. А в остальном, поскольку делать мне в Милане было решительно нечего, кроме упомянутого чтения и созерцания сумрака в затененных боковых аллеях, я бродил целыми днями с места на место с газетами под мышкой и в результате начал вскоре ощущать боль, причиняемую маленькими каверзными затвердениями на коже, коварно пристроившимися между пальцами ног (где кожа младенчески нежна, учитите, между прочим). Походка моя от этого утратила былую уверенность и гибкость, ноги ступали нехотя, одеревенело, и, чувствуя себя глубоко несчастным, во время длительного ожидания у светофора я разулся и снял носок, дабы оценить масштабы бедствия. Когда зажегся зеленый свет, я не захромал во всю прыть через дорогу, а стал, балансируя на одной ножке, надевать носок обратно, и тут, с трудом удерживая равновесие и подпрыгивая, чтобы не упасть, столкнулся с одним из моих миланских партнеров, синьором Гамбини, тем самым, что двумя днями раньше встретил меня вечером в аэропорту и отвез на машине в гостиницу. Этот исключительно любезный, впрочем, синьор по приезде помог мне устроиться в номере и пригласил выпить виски в международном баре гостиницы, где вручил целый ряд документов, а вместе с ними и план города, изданный в виде брошюрки, которую он собственноручно снабдил скрупулезными комментариями, дабы облегчить мне посещение многочисленных музеев, и сейчас, пока я мучительно натягивал носок, он не преминул самым вежливым образом поинтересоваться, может ли он быть мне чем-нибудь полезен (о да, педикюр, воскликнул я и ухватился за его руку).

Педикюрный салон, куда привез меня синьор Гамбини (на такси), оказался шикарным заведением, где клиентам предоставлялись отдельные кабинки, выходящие в богато обставленный салон с подборкой газет и журналов на низком столе, окруженном мягкими диванами. Il signore Gambini, как видно, был здесь своим человеком, и по его рекомендации меня приняли немедленно, и, пока он заказывал нам с ним кампари, я прошелся по залу, задержавшись перед украшавшей стену обескураживающей картиной. Появившаяся вскоре девушка провела меня в кабинку и предложила разуться. Tutte due, сказал я, указывая на свои ноги. Хорошо. Я снял ботинки и длинные носки, аккуратно сложил все это у стены и, в то время как она усаживалась на табурет, устроился напротив нее, с наслаждением погружая пятку в мягкое податливое гнездышко из пушистого махрового полотенца у нее между ног. Слегка пощекотав мне щиколотку, она аккуратно завладела моей ступней и стала бесцеремонно крутить ее из стороны в сторону, изучая сперва подошву, потом ногти, потом пальцы, один за другим, раздвигая их, наклоняясь, заглядывая туда-сюда с интересом и со знанием дела, а в одном месте присвистнула прямо-таки с восхищением. Придвинув к себе аптечку, она, порывшись, извлекла оттуда устрашающий маленький инструмент и принялась ковырять у меня между пальцев, я же в это время наблюдал за синьором Гамбини, расположившимся на диване в салоне, и он держал на коленях раскрытый атташе-кейс, доставал из него какие-то деловые бумаги и наскоро их проглядывал, попивая кампари. Чуть погодя, поскольку сеанс педикюра затянулся, он, держа одну руку в кармане, подошел узнать, как дела, и, наклонившись, стал наблюдать за работой, выказывая всем своим видом, до какой степени небезразличны ему пальцы моих ног, и даже простер вежливость гостеприимного хозяина до того, что расспросил девушку о природе беспокоивших меня затвердений. Мозоли, перевел он игривым тоном ее ответ, обыкновенные мозоли, и сходил в салон за моим стаканом кампари. Я отпил глоточек, а девушка тем временем закончила накладывать повязки и убрала аптечку на полку. Пока я зашнуровывал ботинки, синьор Гамбини, также нуждавшийся в консультации, разулся и, сняв носок, явил девушке свою ступню в профиль, дабы показать ей ноготь большого пальца, в самом

деле странным образом деформированный и рискующий враспира в плоть. Последовавшая за тем беседа на итальянском носила слишком специальный характер, чтобы я мог ее поддержать, однако я тоже глядел на представленную нашим компетентным взорам волосатую ногу и в нужную минуту озабоченно качал головой. У синьора Гамбини, успокою вас сразу, ничего серьезного не обнаружилось. Ч воспрянув духом, он напялил носок, и мы удалились из кабинки, унося с собой пустые стаканы.

Пока мы шли по направлению к ресторанчику, где синьор Гамбини предложил пообедать, я, опустив голову, с наслаждением шевелил на ходу пальцами ног: повязки приятно щекотали кожу, и, проникаясь благодарностью к своему спутнику, я бросал на него растроганные взгляды (между прочим, из носа у него торчали волоски). Официант в ресторане, обращавшийся к нам не иначе, как "dottore", провел нас в уединенный дворик, отгороженный от посторонних взглядов рядами высокого тростника и затененный навесом из металлической решетки, густо увитой разросшимся диким плющом. Легкий ветерок ерошил листья, отчего на скатерти играли солнечные блики. Нам подали еще два кампари и блюдечко маслин; обсуждая совещание, на котором мы с ним присутствовали накануне, периодически открывая атташе-кейс и доставая из него тот или иной документ, синьор Гамбини подкармливался маслинами. Ч подкидывал их и хватал на лету губами. Речь его, понятно, слегка провисала всякий раз, когда он ловил маслину, однако нити он не терял и без промедления продолжал объяснения, водрузив оба локтя на стол и сплевывая украдкой косточку в ладонь. Я же взял с блюдца всего одну маслину, одну-единственную, положил к себе на тарелку и, слушая собеседника, неторопливо приминал ее вилкой. Для пушшего удобства я также снял под столом ботинки и, оставшись в носках, потирал ступни одна о другую. Рассуждения синьора Гамбини я слушал вполуха, поскольку все мое внимание сосредоточилось на маслине, которую я старался исподволь размягчить, равномерно придавливая со всех сторон, и понемногу начинал ощущать, как она поддается. Через некоторое время (приблизительно тогда, когда синьор Гамбини, заинтересовавшись моей деятельностью, смолк) я счел, что маслина готова, и одним уколком подцепил ее на вилку. Затем, не спуская глаз с нанизанного плода, я неспешно перевернул вилку и аккуратно снял маслину губами.

На другое утро, перед отлетом из Милана, я тепло поблагодарил Il Signore Gambini за все, что он для меня сделал, и по возвращении в Париж, не теряя времени попусту, отправился навестить известную особу в конторе автошколы (сидите, сидите, сказал я, входя). Со своей газетой я устроился на стуле против экрана, а молодая особа, набросив на плечи пальто, достала из ящика целую пачку личных дел и, поочередно их открывая, делала что-то помечала. Периодически она вздрагивала, но писать не прекращала, в результате пальто начинало медленно сползать с плеча, и она едва успевала подхватить его рукой. Прогнозировав вконец, она встала, не снимая пальто, отодвинула рукой ситцевую занавеску и отправилась искать обогревательный прибор в крошечный темный чуланчик, бывший некогда душевой, где рядом с висевшей на плечиках лазурно-голубой курткой громоздились стопки папок, Ч а меня попросила помочь ей в поисках. Пока я задумчиво листал в полумраке старые личные дела, она, отпихнув незакрытый ящик, из которого торчали оранжевые сигнальные конусы, отыскала газовый баллон, соединенный с зарешеченным камином. Я выволок все это из чулана; присев на корточки у камина с инструкцией в руках, мы долго пытались хоть что-нибудь понять и наконец поняли, что в баллоне нет газа. Разумеется, я был готов поменять баллон сам, однако чтобы добраться до склада, требовался автомобиль, а потому она предложила ехать вместе, добавив, что спокойно может закрыть контору на час или два и даже нередко это делала, иной раз просто в кино бегала. Мы вышли на улицу, я ждал на тротуаре, листая газету, она же, заперев дверь на ключ, объяснила, что ее "вольво" стоит очень далеко, так что придется взять машину автошколы. Ч эта была припаркована рядом, маленькая, оранжево-белая, с двойным управлением и табличкой на капоте. Я сунул баллон в багажник, сел на переднее кресло, и мы тронулись (хорошенькая учебная команда).

Оставив позади шумные проспекты, мы вырулили на объездную дорогу строящейся автострады, где между причудливо расставленными железными барьерами другие учебные машины подозрительно маневрировали задом. Она посигналила и, ловко пролавирав между этими неуклюжими альбатросами, остановилась перед мужчиной лет сорока в наглухо застегнутой штормовке, курившим на обочине и поглаживающим себя по щеке безо всякого снисхождения. Это инструктор,

пояснила она. Прелестная перспектива, откликнулся я. Я на минутку, сказала она. Вышла, но тотчас вернулась и, наклонившись к моему окну, попросила достать ей из сумочки ключи от конторы. Я положил сумочку на колени, открыл и стал копать. Это что, спросил я, извлекая большущий конверт. Так, ерунда, сказала она, мазок. Мазочек, подумать только, умилился я. Но его же надо отослать. Благодарю за заботу, ответила она. Нет, в самом деле надо, а он тут лежит, и я потряс конверт над ухом, прислушиваясь. Где ж ему еще лежать, ответила она. Я не знал. К тому же вряд ли он был свеж, этот мазок. Не разрешив своих сомнений, я убрал конверт и принялся искать ключи. Я нашел их на дне сумки и протянул в окно. Пока она разговаривала на обочине с моим будущим инструктором (скажите пожалуйста, ботинки-то у него рейнджеровские), я отвернулся и, поскольку все равно ждал в машине, неторопливо разулся, потом снял один носок, аккуратно расстелил его на бардачке, осмотрел пальцы на ноге и начал массировать ступню, сильно и нежно, морщась от удовольствия. Тем временем моя спутница открыла дверь и села рядом со мной, а я, немного стесняясь своих босых ног (босиком в машине всегда чувствуешь себя неудобно), признался, что у меня затекли ступни и что, вероятно, я слегка страдаю ревматизмом, возникающим, как считается, от нарушения кровообращения, к чему я и в самом деле склонен. Так что Ч ревматизм. А может, хуже Ч артрит. Вы обращались к врачу? - спросила она. Нет, нет, ответил я. А вдруг это подагра. Подагра Ч у меня даже перехватило дыхание. Я Ч подагрик. Да, да, подагрик, и мы засмеялись. В общем-то, мы с ней хорошо друг друга понимали. Все так же в полудреме она включила первую скорость и тронулась, решительно сигнализирующей впереди учебной машине, я же сидел рядом совершенно раскисший (как знать, может, мое тогдашнее гриппозное состояние было уже началом любви). Когда мы приехали на пункт обмена баллонов, помещавшийся на большой станции техобслуживания, я увидел множество строений, в том числе одну мастерскую, у дверей которой, дуя себе на руки, прохлаждался механик, а за бензоколонкой Ч широкие окна магазина, и, рассчитывая купить там сигарет, поскольку мои почти кончились, о чем я и сообщил своей спутнице, вылез из машины. Пройдя несколько шагов, я обернулся и спросил, не принести ли ей чего-нибудь: шоколадку, "Марс", "Милки-вэй", соломку или не знаю что. Чипсов, сказала она и улыбнулась. Те немногие, кто находился в это время на стоянке, обернулись и посмотрели, одни на нее, другие на меня, с интересом прислушиваясь к нашей беседе. Вы не хотите чего-нибудь эдакого, спросил я, многозначительно пощелкивая пальцами: соленые орешки, сухофрукты, аперикубики. Хорошо, хорошо, сказала она, как вам больше нравится, и, открыв багажник, достала баллон. Так. Ясности не прибавилось. Это надо же, аперикубики. Я уныло побрел в направлении магазина, прошел через турникет. В магазине народу было мало, почти никого, только у кассы азиат в "канадке" расплачивался чеком. Я углубился в зал, обошел его, держа руки в карманах и скользя взглядом по полкам, где были выставлены домкраты, фары и прочая дребедень в коробках, пластмассовых и картонных. Возвращаясь к кассе, я остановился возле прилавка с закусками в ассортименте, стал набирать их пакетик за пакетиком и складывать перед собой горкой под недоверчивым взглядом отошедшего к телефону кассира. Затем я аккуратно расставил пакетики на те места, откуда взял, и, решив ограничиться чипсами, достал их с другой полки. Сколько с меня, спросил я. Кассир прикрыл ладонью телефонную трубку и посмотрел на меня вопросительно. За чипсы, сказал я и пальцем указал на приготовленную купюру (все-то ему растолкуй). Выйдя из магазина, я обогнул здание и на краю пустыря, где лежали, чуть дымясь, шины, заметил оштукатуренный домик с плоской крышей Ч туалет. Изнутри он оказался выкрашен белой краской и порядочно грязен, у входа стояла швабра с намотанной на нее тряпкой, а дальше писсуары рядком, прикрепленные на высоте, идеальной для мужчин, не достающих мне до плеча. Имелись также и кабинки, все как на подбор с распахнутыми дверьми. Я сунул голову в одну, другую, третью, пока не остановил свой выбор на последней Ч это моя обычная тактика. Закрыв за собой дверь, я запер ее, опустил пластиковое очко и сел помочиться, мечтательно уставившись на трещину в углу стены. За перегородкой капала вода из крана, где-то в отдалении звучал транзистор. Я сидел, глядя в одну точку, и, что греха таить, медитировал, отрешившись от всего, Ч мочеиспускание, надо сказать, меня всегда располагает к размышлению. Мне бы только на что-нибудь сесть, как я мигом отключаюсь и уношусь в блаженный, упорядоченный и расплывчатый мир, рождаемый моим воображением, а уж когда я замкнулся в своих мыслях, чему способствует удобное положение тела, попробуйте меня от них оторвать. Я поднял пакетик чипсов, который сначала положил на пол, открыл его, недоверчиво заглянул внутрь, потом взял несколько ломтиков и поднес ко рту. Достигнув энтелехии, я не спешил положить ей конец. Мысль представлялась мне потоком, которому лучше не препятствовать Ч пусть льется, не ведая куда, растекаясь бесчисленными причудливыми ответвлениями, неисповедимым образом собирающимися потом в одной неподвижно ускользающей

точке. Если при этом вздумается вам Ч если найдет такая блажь Ч выловить одну-единственную мысль, полюбоваться ею, покрутить и так и сяк, размят, будто глину, Ч пожалуйста, только не пытайтесь ничего формулировать, ибо на этом пути, in fine, вас неизменно подстерегает разочарование: так осадок, выделенный из восхитительно красивого раствора, оказывается иной раз жалкой горсткой пыли на дне пробирки. Нет, куда лучше, предоставив мысли течь безмятежно и свободно и притворившись, будто она вас несколько не интересуется, поддаться ее неторопливому убаюкивающему бормотанию, бесшумно продвигаясь к познанию всего сущего. По крайней мере, на данном этапе лично я придерживался именно такой линии поведения.

Я, в общем-то, мало что усвоил из уроков вождения, которые брал десятью годами раньше. Инструктор, дородный лысоватый блондин лет пятидесяти в неизменном облегающем джемпере заезжал за мной на учебной машине в заранее условленное время. Я ожидал его на тротуаре, неотрывно глядя на угол улицы, из-за которого появлялся приметный маленький автомобиль, почти целиком заполненный массивной фигурой водителя. Он останавливался возле меня, тяжело перетаскивал свое грузное тело на другое сиденье, нескромно оголяя икру и несвежий носок, затем расправлял брюки и, устроившись наконец на новом месте, хмуро и удрученно давал команду трогаться. Первую половину урока он с действовавшей мне на нервы ангельской улыбкой протирал очки носовым платком, а вторую, задрвав голову, проверял на свет, обрели ли стекла необходимую прозрачность; время от времени, отрывисто вскинув оправу, он дужкой указывал мне направление движения в лабиринте улиц, где сам ориентировался не глядя. Я же методично переключал передачи (правда, правда), держа одну ногу на педали сцепления, а другую наготове, чтобы в нужную минуту нажать на газ. Вконец измотанный этим упражнением, я во время остановок на светофорах приоткрывал окно и задумчиво в него смотрел. Барабанил пальцами по рулю, дабы успокоить нервы, я перемигивался с юными водительницами, давая им понять, что все в порядке и ситуация под контролем. Без паники, без паники. Когда включался зеленый свет, я, плавно поведя плечом, снимал машину с ручника, включал первую передачу (как вспомню, так вздрогну) и, отпуская сцепление, нажимал одновременно на педаль газа, уходящую порой из-под ноги, поскольку на соединенную с ней параллельную педаль давила чья-то еще нога. Дремавший рядом со мной инструктор делал вид, что он тут ни при чем, Ч обреченно улыбнувшись в мой адрес, он поудобнее усаживался в кресле и снова засыпал. Случалось, я уже совсем забывал о его присутствии, как вдруг он напоминал о себе, резко выворачивая руль; тело его при этом не изменяло своего положения, и лишь рука машинально вносила коррективы в направление движения автомобиля, на почтительном расстоянии огибавшего препятствие, которое я намеревался объехать впритык. Мало-помалу приближались экзамены, и уже невозможно стало оттягивать подготовку к зачетам по теории (уроки вождения я начал брать прежде, чем сдал правила, Ч вроде как время выиграть хотел, вы ж меня знаете). Дома я иногда рассеянно листал цветные иллюстрированные правила уличного движения; к учебнику прилагалась подборка фотографий, выполненных в эстетике комедийного теледетектива: различные ситуации (ох, небезопасные) были запечатлены с точки зрения Ч субъективной Ч одного и того же, всегда невидимого виновника дорожных происшествий, сидящего за рулем автомобиля на перекрестках больших городов в дождь и под солнцем или, реже, на пустынной сельской дороге, где в жертву ему предназначался мотоциклист в водонепроницаемой куртке, красной каске и с бежевыми сумками по обеим сторонам багажника. Сопроводительный текст обнажал психологию убийцы Ч то есть мою Ч в коротких максимах от первого лица, скажем, так: "Я никогда не перемещаю автомобиль ни на метр, не убедившись, что стекла чисты и прозрачны". На мой счет тут не стоило беспокоиться, я за себя ручался и, лежа на кровати, листал учебник дальше. Заглядывая в него ежедневно, я со временем стал находить это занятие вполне сносным и успевал за завтраком решить несколько пустячных головоломок с автомобильчиками, перекрестками, дорожными знаками в качестве исходных данных и схемами на отвратительно зализанном зеленом фоне. Быстро освоившись с большинством подлежащих осмыслению трудностей, я научился оценивать самые сложные ситуации, какие только могли представиться, и, поскольку всегда отличался бойкостью Ч ума, разумеется, ума, нельзя объять необъятного, Ч наловчился, едва взглянув на расположение автомобилей, сразу устанавливать приоритеты. И десяти секунд не требовалось. 1. Красная. 2. Синяя. Это к примеру. Или еще: 1. Желтая. 2. Синяя. 3. Зеленая. И только так. Вечером я, случалось, добирался до автошколы и на уроках теории опробовал свои способности в реальной обстановке экзамена. В полутемном классе, сидя рядом с бледной меланхоличной девушкой, я смотрел на мелькавшие на экране слайды и небрежно расправлялся с тестами. Моей рассеянной и очаровательной соседке занятия эти, похоже, были в высшей степени неинтересны, оттого она тайком косилась в мою тетрадь и бесстрастно Ч

ну прямо англичанка какая-то Ч переписывала ответы в свою. Она сдувала без зазрения совести с равнодушием, достойным восхищения, и нисколько не удивлялась своим неизменно блестящим результатам и витиеватым похвалам радетельного преподавателя, изъяснявшегося цветисто и носившего, как натура творческая, козлиную бородку и галстук в сочетании с курткой. Ко мне он быстро проникся неприязнью, зато всячески обхаживал мою соседку, отводил в сторону, расточал советы и, беседуя, обнимал за плечи, выставляя на обозрение омерзительную волосатую лапищу и перстень, согрешивший с его жирным пальцем, поглаживающим, между прочим, прелестное плечико. Во время урока он стоял на возвышении и с важным видом расставлял намагниченные машинки на демонстрационной доске, а потом, стараясь донести до нас всю соль того или иного правила первоочередности проезда, водил указательным пальцем от машинки к машинке. Случалось, подбавлял и перцу, позволяя себе пикантные шуточки; подавая их, он лукаво теребил бородку и лучился самодовольством, простодушно ожидая взрыва смеха в благодарной аудитории. По непонятным ему причинам в нашей группе Ч человек семь-восемь, разбросанных там-сям по классу Ч он не встречал ни малейшего отклика; соседка моя смотрела в стену, иногда в потолок, а сидящий передо мной молодой человек в шарфе увлеченно рисовал в тетради боевые самолеты. По окончании занятий, когда наша группка рассеивалась у дверей автошколы, преподаватель застегивал молнию куртки, но не до самого верха, кокетливо оставляя на виду щегольское пятнышко галстука, и, втягивая носом вечерний воздух, между прочим, говорил моей соседке, что может ее подвезти. Мне и самому бывало лень тащиться домой пешком, поэтому я милостиво предлагал им себя в попутчики (все мы жили неподалеку от школы, кроме, кажется, учителя). Его старая машина была совсем как новенькая и пахла отмытым от прежних запахов такси, чехлы на сиденьях, венчавшиеся неподвижными подголовниками, содержались в ревностной чистоте, а перед ветровым стеклом болтался светящийся в ночи талисман. По дороге до ближайшего поворота (ехать и в самом деле было два шага) он, нырнув под панель управления, включал стереосистему, и на нас из расположенных по обеим сторонам заднего стекла динамиков изливалась в темноте обычная в таких случаях серенада Ч не будь меня, он не преминул бы воспользоваться изысканной чувственностью музыкального окружения и, томно придерживая руль одной рукой, пуститься в задушевный разговор о своих планах, надеждах и сомнениях. Впереди, однако, усаживался я Ч благодарю, мне тут удобнее, Ч а потому, небрежно бросив, что его дигитальная мультисистема управляется одним пальцем, и проследив в зеркальце заднего вида, какое впечатление это произвело на мою соседку, он демонстрировал нам возможности чудо-игрушки, включая радио, так просто, для примера, и меняя частоты с завидным ощущением собственного могущества, в то время как на люминесцентном экранчике красные жидкокристаллические линии рвались и дрожали от тыканья его бестолковой лапы. Когда он подвозил меня в первый раз, я, помнится, порядком удивился, видя, что моя соседка выходит вместе со мной, и, постояв немного на тротуаре у парадного, обменялся с ней несколькими словами, глядя вслед учительскому автомобилю. Прислонившись спиной к двери, она поглаживала волосы рукой и, как ни странно, уходить, похоже, не собиралась. Я не понимал, что ей от меня надо, и, поскольку молчание начинало нас тяготить, мы с трудом выдавливали из себя какие-то вопросы, а обдумывая ответы, я смотрел вниз и легонько поигрывал поясом пальто. Когда наконец мы отправились каждый к себе домой, выяснилось, что мы живем в одном подъезде. Уроки вождения, заметим, шли своим чередом Ч мне предстоял уже седьмой или восьмой. Инструктор регулярно приезжал за мной в утренние часы; мы теперь все время передвигались по одному и тому же маршруту с едва заметными отклонениями и в некотором роде воспроизводили ходы конем в испанской партии (вариант Брейера): взад-вперед по кварталу, неторопливо, словно бы неуверенно, при полной пассивности прочих фигур на доске (этот брейеровский вариант весьма любопытен: с виду сплошь проволоочки, неопределенность, уклончивость, а между тем незаметно выстраивается непробиваемая позиция). Не знаю, успешно ли я осваивал науку управления автомобилем, но по истечении нескольких занятий мне наскучило их повторяющееся однообразие, и я придумал предложить инструктору заглядывать на пятнадцать минут в кафе за счет времени урока. Вскоре у нас вошло в привычку выгадывать таким образом четверть часа к обоюдному, как мне казалось, удовлетворению. Мы не отдавали предпочтение какому-нибудь определенному кафе, останавливались где придется, хотя, впрочем, неоднократно выбирали одну и ту же пивную на углу бульвара, по которому пролегал наш обратный путь. Заведение было людным, некогда даже отремонтированным, с большими зеркалами по стенам, вытертой до блеска пакфонговой стойкой, над которой на полках выстроились бутылки с аперитивами, одни стоймя, другие же, с дозатором на горлышке, крепились к стене вверх дном. Мы входили через двойную стеклянную дверь как раз против бара и устраивались за столиком в зале. Я садился на банкетку, а Громар на стул (надо сказать, что преподавателя теории звали Бурегон, Жан-Клод Бурегон, а инструктора Ч Громар,

причем в автошколе поговаривали, что они, Бурегон и Громар, обедают каждый день вместе и в ресторане у них есть свой столик). Обычно мы с ним благоразумно заказывали два кофе, а от кальвадоса воздерживались. Наши отношения не заходили, разумеется, так далеко, как, возможно, у него с Бурегоном, мы вели себя скромно и молча помешивали кофе ложечками, при этом инструктор периодически оборачивался, не желая упускать из виду учебную машину, удачно припаркованную перед входом, так что мы могли любоваться ею вволю, не вставая с места. Отхлебнем, бывало, глоточек и поставим чашку на блюдце. Мы глазели по сторонам, крутя в руках картонные подставки под пиво и постукивая ими по столу. Случалось, перебрасывались несколькими словами по поводу, скажем, марки пива, логотип которой красовался на подставке. "Туборг", говорил он, мечтательно качая головой. Ага, "Туборг", отвечал я. Или еще перечислял названия других сортов, которые здесь продавались в разлив. Он не спорил, ставил картонку на ребро и пальцем удерживал в вертикальном положении. "Туборг", говорил я, датское. Он был того же мнения, что и подтверждал кивком головы. Знаю, говорил он, датское, и, вздохнув, отпивал глоток кофе. Платили мы по очереди: в первый раз пригласил его я, но в дальнейшем он с почти дружеской настойчивостью потребовал, чтобы мы делили расходы пополам. Отличный малый, думал я, но однажды, когда он дремал рядом со мной в машине и, сложив руки на животе, в сомнениях крутил туда-сюда очки, ему пришла в голову прискорбная мысль заняться маневрированием. В то утро он сменил привычный джемпер на новый черный пуловер, у которого сзади на нитке болталась этикетка на манер зазывной ленточки "догони меня" на дамской шляпке. Направляя движение оправой очков, он вывел меня через паркинг какого-то супермаркета, минуя прилегающие складские здания, на пустырь, где возле железных ангаров разгружались рефрижераторы. Тут он вылез из машины, подтянул брюки, достал из багажника стопку вставленных один в другой сигнальных конусов, расставил их кое-как вдоль тротуара (этикетка пуловера плясала у него за спиной, а я, облокотившись на руль, следил за ней глазами), вернулся к машине и, положив руку на капот, заглянул в мое окно, предложив запарковать автомобиль Ч видите схему? Ч на обозначенном участке. Затем он встал поодаль и, закуривая сигару, склонился в сторону ангаров. Вскоре к нему подошел один из поставщиков и тоже принялся наблюдать за моими упражнениями с окороком в руке. Они что-то обсудили между собой Ч я видел в зеркало, как они разговаривают, Ч потом инструктор достал из кармана желтую полиэтиленовую сумку, развернул ее аккуратно и неторопливо и вдруг Ч далее все произошло очень быстро Ч сунул деньги в руку поставщику, а тот ему в обмен Ч ветчину. Ветчина мгновенно исчезла в сумке, а инструктор разгладил компрометирующие складки, озираясь с поддельным безразличием, дабы убедиться, что никто не видел маневра. Я как раз закончил парковку, и учитель, решив, вероятно, что на сегодня мы достаточно наманеврировались, собрал расставленные вокруг автомашины конусы и пошел грузить в багажник: конусы бросил как попало, а окорок любовно пристроил возле запасного колеса. Он сел рядом со мной и, когда мы выезжали из паркинга, поднеся часы к глазам, вроде как с сожалением констатировал, что нам пора возвращаться. Лично я с удовольствием подбросил бы себя до дома да там и оставил, он, однако, предпочитал, чтобы по окончании занятий я отводил машину в автошколу, где его ждал следующий ученик. В тот день, выйдя вместе со мной из машины, он объяснил моему юному преемнику, что покинет его на несколько минут, достал из багажника ветчину и со свертком в руке открыл дверь автошколы. Я зашел вслед за ним договориться о следующем занятии и, поскольку директриса (стройная старуха с модными молодежными очками в цветной оправе на носу) была занята, уселся ждать на стуле, пока она допишет письмо, а инструктор тем временем, высоко подняв руки, чтобы дотянуться до своего шкафчика, где лежали термос, замша для протирки стекол и несколько журналов, наводил в нем порядок. Стоя на цыпочках, он высвобождал место для ветчины, а за спиной у него все так же подпрыгивала этикетка на пуловере. Я все так же провожал ее рассеянным взглядом, куря и постукивая себя ладонью по ляжке. Директриса заверила меня, что через минуту будет в моем полнейшем распоряжении, и, дописывая письмо бирюзовыми чернилами (бирюзовыми, мамочки родные), сообщила, не отрываясь, что в моем личном деле, насколько ей помнится, недостает кое-каких документов. Она улыбнулась и, подняв голову, погрозила мне пальчиком. Каких еще документов, голубушка? Она перечитала письмо, осталась им довольна, опустила в конверт и принялась отрывисто лизать клейкий край. Сейчас посмотрим, сказала она, открыла ящик, скользнула глазами по выстроенным в ряд папкам и, отыскав мою, раскрыла ее на столе. Инструктор к тому времени, надежно упрятав ветчину, налил себе кружку кофе с молоком и подошел к нам; он стоял лицом к двери с термосом в руке и смотрел на улицу. У вас, дорогой, этикетка на спине, этикетка, сказала она и улыбнулась мне, выразительно закатив глаза, после чего снова уткнулась в мое личное дело. Собственно, все самые важные документы были на месте, не

считая медицинской справки, которую я и пообещал принести послезавтра, заодно назначив на это время урок. Мы поговорили о том о сем, постарались уладить оставшиеся нерешенными вопросы (в частности, о фотографиях, которые, как мне было замечено, тоже необходимы).

В туалете на станции обслуживания все было спокойно, за стенкой кабинки по-прежнему журчала вода, а вдалеке трещал транзистор. Я глядел перед собой на грязную, серую, запертую на задвижку дверь, задвижка входила в петлю, крепившуюся к стене и сильно разболтанную, поскольку из четырех предусмотренных винтиков три отсутствовали. Меня никто ни разу не побеспокоил, я сидел себе и сидел, думая о составленной Брейером шахматной задаче, где все фигуры оказались связанными, поскольку за последние пятьдесят ходов ни одна пешка не двинулась с места и ни одна фигура не была съедена. Задача эта (хотя лично я особых трудностей тут не видел) радовала душу, она воплощала в моих глазах изысканнейший модус вивенди. В официально сыгранных партиях Брейер проявлял такое же изящество, благоразумно выстраивая все фигуры в оборонительной позиции и подготавливая дальновидный план атаки, на первых порах состоявший в том, чтобы бесчисленными неуловимыми уточнениями исподволь наращивать потенциальный динамизм фигур (и на втором этапе Ч разбивать противника). Неоднократно подтвержденные реальными успехами, идеи Дюлы Брейера повсеместно встречали скептический и даже недоверчивый прием, поскольку приводили к созданию совершенно парадоксальных схем игры, в которых цели никогда не были четко определены, а фигуры, следуя обескураживающей логике накопления энергии про запас, уклонялись от выполнения своего прямого долга: занимать выгодные позиции и захватывать свободные поля. Сидя на унитазе, я следовал неторопливому течению мысли и смутно ощущал, как неумолимая действительность начинает проявлять первые признаки усталости, да; она понемногу поддавалась, утрачивала твердокаменность, и я уже несколько не сомневался, что мой тихий упорный натиск в конце концов размягчит ее, как можно размягчить маслину вилкой, если периодически легонько на нее надавливать, а когда сопротивление реальности будет наконец сломлено, ничто Ч я это знал наверняка Ч не сможет остановить тот бешеный порыв, который я всегда носил в себе, порыв, чреватый всяческими свершениями. Но сейчас мне некуда было спешить: в борьбе с действительностью не лезь на рожон. Позднее я все-таки вышел из кабинки, закрыл дверь и, не прерывая размышлений (как видно, я все-таки мыслитель по натуре), направился к зеркалу над умывальниками. Там я картинно выставил вперед руку, принял самодовольную позу (суровый взгляд, непроницаемое лицо), критически осмотрел достигнутый результат, и тут в туалет вошел мужчина; остановившись за моей спиной и искоса на меня взглянув, он сказал, что на улице уже давно кого-то ищет молодая женщина. Полагаю, вас, добавил он. Вполне возможно. Не разрешив его сомнений, я покинул заведение и пошел к магазину самообслуживания, засунув руки в карманы плаща (плащ, между прочим, от Стенли Блекера, фирма как-никак, сами понимаете). Вернувшись на центральную площадку, я огляделся в поисках молодой особы. Место не то чтобы оживленное, нет. Никого, кроме дамочки, удалявшейся по направлению к автостоянке, где за рулем "фольксвагена" ее ожидал супруг. Спутница моя исчезла бесследно, зато наша маленькая оранжево-белая машинка с табличкой автошколы стояла, припаркованная кое-как, там, где мы ее оставили. Я прошел вдоль магазина в другую сторону, обогнул какие-то строения и оказался на площадке поменьше, где увидел молодую особу, а рядом баллон с газом. Извинившись, что заставил себя ждать, я собрался было возвратиться к машине, но, приподняв баллон, обнаружил, что он по-прежнему пуст. Спутница моя молча проследила за тем, как я ставлю баллон на землю, и указала на типа, стоявшего поодаль возле огромной клетки, где за железными прутьями лежали штабелями газовые баллоны. По ее словам, тип этот Ч кстати, он за нами наблюдал Ч не только отказался ее обслужить, но чуть ли не оскорбил. Я обреченно смотрел вниз и ковырял асфальт носком ботинка. Пойду выясню, произнес я наконец. И пошел (я ему, гаду, покажу). Послушайте, начал я, как мне стало известно, вы некорректно обошлись с моей женой. Нет-нет, что вы, замахал он руками; выходило, он просто объяснил ей, что имеет дело только с "Термогазом", а следовательно, никак не может взять на обмен ее баллон Ч баллон "Примагаза", поскольку, если даже и согласится его принять, поставщики "Термогаза" ничем его не обменяют, как у него уже случилось однажды с "Нафтагазом". То есть с "Примагазом", возразил я не слишком, впрочем, настойчиво, понимая, что он имеет основания упорствовать. Нет, ответил он, то был "Нафтагаз". Надо же. Однако позвольте, сказал я, вынимая одну руку из кармана, коли с вами уже случалась подобная неприятность, значит, вам все-таки доводилось принимать не только термогазовые баллоны. Он вынужден был это признать. А моей жене вы отказали в аналогичной услуге! Я наслаждался. Он удрученно кивнул; сраженный иезуитской утонченностью моих софизмов, он готов был признать свое поражение и, уже почти совсем сдавшись, заверил меня, что, когда бы все

зависело от него, он бы, разумеется, пошел нам навстречу, но с поставщиками "Термогаза" бесполезно даже разговаривать и, если бы он и согласился принять баллон, ему бы пришлось за это отвечать, а такая перспектива его, в отличие от нас, похоже, не устраивала. Потолковав еще немного, я уступил напору его удручающей казуистики и спросил, где можно найти этот "Примагаз". Не знаю, сказал он, разве что в "Мамонте". Думаете, они возьмут? - усомнился я. С них станется, отвечал он, если не они, то не знаю, и больше ничем мне помочь не смог, но напоследок объяснил, как туда добраться. Я вернулся к своей спутнице и сообщил ей, что все в порядке и что в "Мамонте" мы почти наверняка обменяем баллон. "Мамонт", нет, вы слышали! Я взял баллон, и мы отправились на главную стоянку. Мы шагали рядышком, я нес баллон. На всякий случай я сказал ему, что вы моя жена, вспомнил я. И правильно сделали, ответила она. Как вас, кстати, зовут? Ее звали Паскаль, Паскаль Полугаевски. Ну и денек. Пока она на малой скорости выезжала с автостоянки, я объяснил ей, упершись затылком в подголовник, что ощущаю легкую боль в основании позвоночника. Ч ох уж эти вечные проблемы со спиной, Ч она отнеслась с пониманием, вежливо посочувствовала, и тогда я с превеликим удовольствием рассказал ей о своей болезни во всех подробностях. Поэтому, видите ли, сказал я, пустой баллон я еще могу нести, но полный... она взглянула на меня. Полный было бы неосмотрительно, пояснил я и рассеянно посмотрел в окно, мы ехали вдоль пустыря, вдали виднелись какие-то строения.

Когда во второй половине дня мы вернулись в автошколу (без газа, само собой, лучше и не спрашивайте), перед закрытой дверью она увидела своего отца в каракулевой шапке-ушанке и с хозяйственной сумкой в руках. Господин Полугаевски, которому она меня представила тут же на тротуаре, человек скорее тучного сложения, с широкими славянскими скулами и заметным русским акцентом, выслушав объяснения дочери, прикинул вес своей сумки и предложил, отбросив все дела, немедленно отправиться с нами за газом в Кретей (вперед, дети мои, сказал он, приглашая в свой автомобиль Ч разболтанный донельзя "триумф"). Торговый центр в Кретее все никак не показывался на горизонте, и, пока г-н Полугаевски гнал свой "триумф" по окружной, я дремал на заднем сиденье, чувствуя, что внешняя реальность не только не собирается сдаваться, но постепенно затвердевает, каменеет, обступает со всех сторон, и мой бешеный порыв представлялся мне теперь не чем иным, как попыткой высвободиться из каменного плена. Рюмочка мюскаде пришлось бы сейчас очень кстати. Я сидел бесстрастный, полусонный, тихонько посмеивался в душе, *in petto*, так сказать, не мешая событиям течь своим чередом, и думал о том, что во всей этой истории больше и мизинцем не пошевелю. По прибытии в торговый центр Полугаевски отправился выяснять насчет газа; предоставив ему объясняться у входа с продавщицей, хмуро взиравшей из-за стойки на размашистые рыцарские жесты, сопровождавшие его цветистую, с раскатистым акцентом речь, я потихоньку ускользнул и пошел в магазин поглазеть, а там, после недолгой внутренней борьбы, поддался искушению приобрести пачку одноразовых станочков и пену для бритья. Стоя в очереди в кассу, я заметил господина Полугаевски Ч он изучал объявления у входной двери и, не подозревая, что я за ним наблюдаю, как раз переписывал в записную книжку какой-то телефон. Я сунул покупки в полиэтиленовый пакетик и подошел к нему. В последний раз сверив данные объявления с записью, он с тайным удовлетворением во взгляде закрыл записную книжку и сказал, что газ выдают на станции техобслуживания у въезда на автостоянку. Мы поменяли баллон, уложили его в багажник и укрылись от дождя в машине, ожидая возвращения дочери господина Полугаевски, отправившейся за покупками. Я сел на переднее сиденье, Полугаевски Ч за руль, в его открытую дверь я видел лужу, куда капля за каплей падал дождь. Из автомобильного радиоприемника лилась нежная грустная песня, мы сидели молча, время от времени качая головой, словно бы сострадавая. Между тем Паскаль все не возвращалась, а песня звучала все надрывней, и Полугаевски, не выдержав, повернулся ко мне за поддержкой. Да что она там делает, буркнул он, выходя из машины, и, засунув руки в карманы, принялся поджидать дочь стоя. Минут через десять как ни в чем не бывало появилась Паскаль с огромной коробкой продуктов в руках. Я освободил ей место, пересел назад, коробку поставил рядом с собой, а отец в это время заводил, вернее, пытался завести машину (не заводится, сказал он). В конце концов мы с его дочерью Ч миленькая семейка Ч вылезли из "триумфа" и стали под дождем толкать автомобиль, следуя противоречивым указаниям господина Полугаевски, а тот, высунувшись из окна, обвинял нас в нерадивости. Поскольку все наши усилия ни к чему не привели, решили действовать иначе: Паскаль села за руль, а мы с ее отцом, развернув машину по наклону, встали с обеих сторон и снова начали ее толкать; иногда она многообещающе вздрагивала, тогда мы, удвоив усилия, кричали Паскаль, чтобы жала на газ, Ч и так, пока вконец не промочили ноги и не бросили это занятие. Ну что? Ч спросил отец, заглядывая к дочери в окошко. Дохлый номер, отвечала она.

Спокойно, теперь уже не напрягаясь, даже расслабившись, мы докатили машину до станции обслуживания. Я толкал ее сзади двумя руками, а Полугаевски, чуть пригнувшись и тяжело дыша, шел рядом со мной, прикрываясь от дождя моей газетой, и объяснял, что все, черт побери, от сырости (да, соглашался я, глядя, как намокает моя газета у него на голове). Приближаясь к станции, мы увидели там человека, продавшего нам газ, Ч сомнительный тип, тощий, с салными волосами, он смотрел на нас с выжидательной настороженностью и подозрительно обнюхивал свои пальцы. Мы остановились перед бензоколонкой и, поведав ему о наших злоключениях, спросили, не может ли он взглянуть на мотор. Нет, он не мог, это не по его части, но механик должен был скоро прийти, а потому он пригласил нас подождать у него в будке. Войдя, он сел за свой стол возле видавшего виды велосипеда с потертым багажником, мы с господином Полугаевски на складных матерчатых стульях устроились напротив, а Паскаль осталась задумчиво стоять у окна. По стенам висело несколько афиш и календарь с рекламой аперитива. Молчали и мы, и хозяин, последний не обращал на нас внимания. Он достал из ящика комплект палочек для игры в микадо, взял их в руку поудобнее, потом плавным движением кинул на стол и стал собирать по одной. Время от времени мы с ним заговаривали, высказывали предположения относительно возможных причин поломки. Он всякий раз сосредоточенно кивал, скептически приглядываясь к груде беспорядочно наваленных палочек и соглашался, что, может, дело и в стартере, да. А может, свеча, и в течение нескольких секунд он напряженно обдумывал ситуацию, потом быстрым, точным движением ухватывал пальцами одну из палочек (попалась, которая кусалась, приговаривал он и аккуратно клал палочку рядом с собой). Полугаевски наблюдал за ним, нахмурился брови, я же, достав из кармана пакетик с бритвенными принадлежностями, поглядывал на умывальник и размышлял, не побриться ли мне, коль скоро я не успел утром, и как отнесется к этому газовщик. Когда я спросил, тот восторга не выразил, нет, однако оторвался на мгновение от микадо, передвинул велосипед и, уже снова углубляясь в игру, чуть потеснился, давая мне пройти. Поблагодарив, я обошел его стол, разложил на умывальнике станочки и тюбик с пеной, расстегнул ворот рубашки, погладил себя по груди, осмотрелся. Карманное зеркальце, которое дала мне Паскаль, я пристроил на гвоздике; разумеется, мне было тесновато, приходилось стоять на цыпочках рядом с игроком в микадо, дотягиваться, изгибаясь, до крапа, чтобы сполоснуть бритву, ухитряясь при этом бросить взгляд на расположение пестрых палочек на столе. В верхнем углу висевшего передо мной зеркальца я видел Паскаль, она смотрела в окно, между тем как ее отец, придвинувшись на своем полотняном стульчике к столу, отпускал по ходу игры нелестные замечания и гневными тычками пальца советовал тянуть ту палочку, а не эту. Игрок же, которого я, водя туда-сюда лезвием по щеке, видел в нижней части зеркала, держался осмотнительно и не решался тронуть ни одну. Побрившись, я собрал свои вещи, надел рубашку (такая вот душевная обстановка) и вышел подышать воздухом, смахивая с мочек остатки мыльной пены. Вскоре ко мне присоединился Полугаевски, мы постояли рядом, высматривая механика. Полугаевски выглядел очень расстроенным, "триумф", полагал он, по-видимому, все равно придется оставить здесь на ремонт, а потому не лучше ли нам, чем дожидаться механика, уехать на такси. Можно позвонить? - спросил он хозяина будки. Тот с важным видом поднес указательный палец к губам, призывая Полугаевски помолчать, в последний раз пристально взгляделся в расклад палочек на столе и с бесконечными предосторожностями принялся вытаскивать одну из них, легонько надавив на ее кончик, отчего, следуя принципу рычага, приподнялся другой. Положив вынутую палочку перед собой, он пододвинул телефон господину Полугаевски.

Некоторое время спустя, отказавшись от попытки вызвать такси (извините, свободных машин нет), Полугаевски договорился, что оставит "триумф", уладил все формальности, передал газовщику ключи от автомобиля и, оплатив четыре бесполезных звонка по вызову такси, спросил, не возьмет ли он назад баллон с газом, поскольку мы и без того порядочно нагружены. Тот посмотрел на него, задумчиво постукивая палочкой микадо по ладони, и предложил оставить баллон в багажнике автомобиля, а затем, проводив нас на улицу, заостренным кончиком палочки указал еще раз, в какую сторону идти к метро. Стоя на пороге своей будки, он смотрел, как мы плелись под дождем: Полугаевски с коробкой продуктов, я с пачкой бритв, Паскаль с автомобильным радиоприемником Ч папаша предпочел его вынуть. Так мы дошли до торгового центра, распахнули двойную стеклянную дверь, за которой нас обдало струей горячего сухого воздуха, и двинулись по центральному ряду. В галереях толпился народ, перед дверьми отделов красовались на стойках уцененные товары, секция садового инвентаря предлагала какие-то скукожившиеся деревца. Миновав множество разных магазинчиков, мы прошли вдоль парикмахерской, где женщины в огромных колпаках-сушилках Ч здравствуйте, милые дамы, Ч чувствуя, что на них смотрят,

старались состроить на лице умное выражение. Выйдя из торгового центра, мы в замешательстве остановились, не зная, куда направиться, а потом двинулись по вымощенной булыжником улочке с натканными через равные промежутки стилизованными фонарями, неуместными среди новостроек и оттого казавшимися бутафорией. В целом же холодная безликая архитектура района походила на гигантский макет, по которому нам позволили прогуляться между двумя рядами зданий. На горизонте торчали сооружения из стекла и металла, а по бокам устремлялись в небеса одиноко стоящие билдинги с темными окнами из тонированного стекла. Сбившись, должно быть, с пути, мы брели улочкой, круто уходящей вниз по бесконечному склону, и тут нам открылся вид на огромное искусственное озеро, замыкавшееся на горизонте гризайлью индустриальной зоны с гигантскими кранами и заводскими трубами, выбрасывавшими в небо столбы черного дыма. Территория вокруг озера была оборудована для отдыха и досуга, улицы и променады щеголяли названиями, перенесенными с юга Франции, и на этом лишенном растительности забетонированном пространстве стоял безлюдный ресторан с никчемной террасой, на которой мокли свернутые солнечные зонтики. Ленивые, словно обессиленные, воды озера терялись в сероватой грязи так называемого пляжа, переходившего в пустырь, где маячил шаткий сарай на сваях, перед дверьми которого валялись серфинговые доски, а рядом в нежной мокрой траве Ч поломанный рей. Поодаль на пляже лежали серфинги поновее, а на безжизненном водоеме, окутанные дымом и осененные изморосью, несколько серфингистов в комбинезонах для подводного плавания замерли в отсутствие ветра на неподвижно застывших досках и время от времени пытались набрать скорость, равномерными рывками дергая парус на себя, в результате чего им удавалось немного продвинуться по туманной глади в тени нависшего над озером гигантского металлического железнодорожного моста. Мы спустились к самому берегу и под дождем шлепали вдоль озера, увязая в расползающемся под ногами грязном песке. Низко-низко над нами летел вертолет, и, задрав голову, я думал, что сверху, наверное, любо-дорого смотреть, как мы шагаем гуськом по пляжу Ч впереди Полугаевски с коробкой, за ним я, мечтательно-отрешенный, в пальто с поднятым воротником, позади Ч Паскаль, небрежно волочущая за собой подобранную на берегу сухую ветку. В действительности же Полугаевски просто искал, к кому бы обратиться, чтобы спросить дорогу, и, подойдя к берегу, остановился против пожилого мужчины хрупкого телосложения, который, стоя в воде по пояс в облегающем черном комбинезоне подводника (с короткими рукавами) и нелепом спасжилете, опутавшем его тщедушное тело сетью шнурков и завязок, спускал на воду серфинг. Поглядев на него с минуту, Полугаевски подошел ближе к воде, держа в руках коробку с продуктами, и, возвысив голос, спросил, не знает ли он, где тут станция метро. Тот, по-видимому, что-то недопонял, а потому, положив обе ладони на доску, как это принято у великих серфингистов, подошел ближе к берегу и, выслушав вопрос во второй раз, проворно замахал рукой: дескать, надо подняться по улочке вверх и у торгового центра свернуть налево. И пяти минут не будет, добавил он, осторожно взбираясь на доску сначала одним коленом, затем другим, потом встал во весь рост и потянул на себя тяжелый парус (не успели мы отойти, как он плюхнулся лицом в воду Ч в довершение всего серфингист из него был никакой).

Войдя в тихий сумрачный вестибюль метро, где слонялись какие-то юные скауты, мы остановились. Полугаевски поставил коробку с продуктами на пол под настенным планом и принялся изучать маршрут, а когда наконец разобрался, страдальчески потер глаза рукой и удрученно заключил, что ему пересаживаться на Рейи-Дидро, нам же на Домениль, если только не ехать кружным путем через Ламотт-Пике. Лично мне было все равно, Паскаль, надо полагать, тоже Ч зажав радиоприемник между колен, она хрустела чипсами, которые извлекла из коробки с продуктами, и мечтательно глядела на скаутов. Поехали, дети мои, сказал ее отец, поднимая коробку, и зашагал вниз по лестнице, а мы за ним. В ожидании поезда мы прогулялись по перрону, потом сели на скамейку. Поезд подошел пустой, еще несколько станций мы ехали одни, и только после Ветеринарной школы вагон заполнился. Полугаевски с дочерью устроились рядом на двух откидных сиденьях, а я стоял напротив них, прислонившись плечом к стойке, и читал газету. Иногда я поднимал голову и смотрел, какую станцию мы проезжаем. На станции Домениль Полугаевски помог нам выгрузить коробку с провизией; прощаясь с ним, я наклонился и протянул в дверной проем почтительную ладонь для теплого рукопожатия. Затем двери со стуком захлопнулись, мы остались стоять на платформе, глядя на отходящий поезд, Полугаевски же, вытянувшись за стеклом, величественно поднял руку в знак прощанья, а перед тем как скрыться, часто-часто замахал кистью (правда, он душка, сказала Паскаль).

Вечером следующего дня мы с Паскаль ужинали вдвоем в индийском ресторане. Я нашел его

случайно в туристическом проспекте, который прихватил в холле гостиницы, где мы остановились, а возвратившись в номер Ч просторный, с видом на парк, Ч пристроился возле тумбочки, проспект положил на колени и, вооружившись ручкой, позвонил заказать столик (пригласите, пожалуйста, телевизор). Спасибо. Столик можно было получить только после двадцати двух часов, поздновато, на мой взгляд, но все же я согласился, решив, что отказаться, если передумаем, всегда успеем. Прибыв в Лондон во второй половине дня, усталые с дороги, мы пошли в гостиницу и сразу легли. С кровати Ч она стояла против окна, окаймленного кокетливыми белыми занавесками, Ч мы видели верхушки деревьев и кусочек неба. Что ж, совсем неплохо; мы включили телевизор и вскользь на него посматривали Ч транслировали бильярд под старомодный патетический полусшепот велеречивого комментатора. Рыжеволосый в голубой рубашке с засученными рукавами играл против мужчины постарше и полегантнее, со страдальческим выражением лица, который довольно долго присматривался, прежде чем решиться зайти с того или иного борта. Сам комментатор тоже иногда появлялся на экране, он сидел среди публики во втором ряду с наушниками на голове и листочками бумаги в руке и всякий раз, когда чувствовал, что камера наставлена на него, поднимал голову, придерживая наушники правой рукой. Время от времени мы обменивались улыбками; склонив голову ко мне на плечо, Паскаль, позевывая, глядела на экран. Потом мы оделись к выходу, я собрался намного раньше ее и, сидя на постели, изучал гостиничное меню, где предлагался перечень напитков и завтрак Ч континентальный или же breakfast на британский лад (подумать только, с сосисками, обожаю сосиски) Ч по выбору. Закрыв меню, я проверил, не забыл ли я деньги и адрес ресторана, и мы тронулись в путь; дверь номера выходила в холл с мягким красным ковром на полу и декоративной беседкой посередине, украшенной растениями в горшках и опереточной колоннадой со слащавой лепниной, похожей на безе. С ума сойти. Мы обогнули ее (я обернулся, держась рукой за голову, чтобы увидеть это чудо архитектуры еще раз) и через стеклянную дверь вышли к лифту. Пока мы спускались, я поправил Паскаль прядку волос. Она поглядела на меня. Я обнял ее за плечи и погладил по щеке (голова побаливает, сказал я).

Выйдя из гостиницы, мы обратили внимание на скопление людей неподалеку; движение на улице было полностью перекрыто, и вдоль заграждений расхаживали полицейские с собаками и переговорными устройствами. На проезжей части выстроились пожарные машины и автомобили полиции с медленно вращавшимися в ночи синими проблесковыми маячками. Бригада телевизионщиков настраивала камеры за оградой парка, вокруг теснилось множество зевак, все ожидали приземления монгольфьера на лужайке Кенсингтон-Гарденз. Ах вот оно что, протянула Паскаль (так мне кажется, сказал я). Собственно, я понятия не имел. Так просто Ч предположение. Скажем, монгольфьер с желтой эмблемой компании "Шелл". Или "Тотал", ее логотип мне незнаком. Что мне в нем? Да и разве можно доверяться логотипу? Мы присоединились к группке людей в надежде что-нибудь разузнать, потолкались немного, так и не поняв, что происходит, потом развернулись и пошли по направлению к ресторану. Моя Паскаль Полугаевски слегка зябла; пока мы стояли на светофоре, я обнял ее и ладонями растер ей спину, она же при этом зевала, уронив голову мне на грудь, и постукивала ногой об ногу, чтобы согреться. Я тоже зевал Ч зевота, сами понимаете, заразительна, и оба мы подпрыгивали на месте, согреваясь объятиями и зевая. Я укутал ее своим пальто и изо всех сил прижимал к груди, мы подпрыгивали все выше и выше, слившись воедино, неудержимо отрываясь от земли. Когда зажегся зеленый свет, она перебежала улицу, и я припустил вдогонку чуть ли не бегом (это я-то Ч бегом). У дверей ресторана мы остановились, осмотрелись, перевели дух, прочитали меню и несолоно хлебавши медленно побрели дальше, поскольку столик нам был заказан только на десять. У нас еще был в запасе целый час, и, не зная куда податься, мы прогулялись по кварталу, заглянули в паб, где я, с трудом протиснувшись к бару, заказал два пива (yes, two, my Lord, и для большей ясности я показал два пальца буквой V), затем, аккуратно взяв стаканы, развернулся на сто восемьдесят градусов между двух бородачей и направился в дальний конец зала к угловой скамейке рядом с игральным автоматом. Перед тем как уйти, я рискнул бросить в автомат несколько монет и, пожевывая спичку, стал наобум опускать рычаг управления. Цилиндр внутри автомата вращался, а остановившись, всякий раз предлагал ассорти из фруктов, среди которых мне регулярно, будто знак свыше, выпадали две вековечные лиловатые двусмысленные яйцеподобные сливы. Паскаль подошла ближе и, положив руку мне на плечо, безо всякого интереса наблюдала за моими действиями. Потом она захотела попробовать сама, стала перед машиной, зевнула и рванула ручку, мама родная, движением водителя грузовика, так что многие посетители обернулись. Впрочем, она быстро вошла во вкус и, убедившись, что рычаг вовсе нет необходимости дергать с такой силой, начала управлять им более плавно и даже

выиграла несколько легковесных жетонов. Примерно в половине десятого мы отправились в ресторан. Небо, затянутое, безлунное. Ч я время от времени на него поглядывал, Ч плыло, гонимое ветром, толкались тучи, безмолвно пробивая себе дорогу к иным далеким небесам. Ресторан, завлекавший посетителей светящейся вывеской, выходил на улицу решеткой садовой калитки. На залитом приглушенным рассеянным светом пороге стоял индус-метрдотель; приветствуя его издали, я опасался, что мы пришли слишком рано. Нет-нет, нисколько, и, склонив любезное расцветенное красными бликами лицо, он сообщил мне с сожалением, что мест нет. Full, сказал он. Full, повторил я. Full, повторил он. Well, сказал я и пошел назад поделиться новостью с Паскаль. Но мы же заказывали, возмутилась она. Это меня и убивает, ответил я. Надо быть настойчивей, сказала она и, оставив меня, отправилась объясняться с метрдотелем. Он выслушал ее со вниманием, на минуту скрылся за дверью, возвратился и пригласил нас войти. Ресторан оказался довольно большим, индеец повел нас через маленький вестибюль в ярко освещенный бар с паркетом светлого дерева, обставленный на колониальный лад. Ч старый проигрыватель у стены, утопающий в зелени растений, плетеные диванчики и под потолком гигантский вентилятор, вращавшийся с удручающей медлительностью. Здесь первый метрдотель препоручил нас другому, излишне, на мой взгляд, суетливому, прямо-таки порхающему, который, усаживая нас, не переставал расшаркиваться. Would you care to try the house drink, осведомился он. Что, простите, переспросил я, садясь. Он не стал настаивать и забрал блюдечко арахиса, стоявшее на нашем столе. Прошло с четверть часа, он снова туда-сюда, делая вид, что нас не замечает. Когда появлялись новые клиенты, он услужливо проводил их в зал, забегая то спереди, то сзади, а усадив, возвращался в бар, прикрыв рот рукой, будто что-то обдумывал, и понимающим кивочком безмолвно заверял нас, что заказанный столик скоро будет накрыт. Впрочем, лично я нисколько не спешил. Нет. Глядя на Паскаль, склонившую голову набок и смотревшую на меня с усталой нежностью в глазах, почти касаясь щекой моего плеча, на прядку волос, упавшую ей на лоб, на распахнутое бежевое пальто, пояс которого свисал до полу, на ее вытянутые ножки в грубых башмаках и белую полосочку носков на щиколотке, я смаковал затянувшуюся паузу и, предвидя ее неизбежное благополучное завершение, думал о том, что сегодня мы обязательно впервые поужинаем вместе.

Вернувшись в Париж рано утром в понедельник, мы поехали к отцу Паскаль забирать Пьера (вы уверены, что мне стоит заходить вместе с вами, спросил я на лестничной площадке). Полугаевски встретил нас всклокоченный и в халате, позвал Пьера, который в это время одевался в школу, и в темноте прихожей посмотрел на часы. Вы на машине? - спросил он меня. Простите? - ответил я. Понимаете, у Пьера в восемь начинаются занятия, сказал он. Я был не на машине, нет, а потому он предложил нас отвезти, и, как только он собрался, мы вместе вышли. В новехоньком автомобиле, взятом напрокат (на время починки "триумфа"), я дремал, скрестив руки на груди, а Полугаевски между тем осуществлял сложнейшие маневры, пытаясь вырваться оттуда, где стоял. Мы резво катили по Парижу, Полугаевски вел машину в своей сумасбродной иррациональной манере и одновременно улаживал с дочерью всякого рода практические вопросы, касающиеся каникул, ближайших выходных и многого другого, вопросы, которых мы с ней Ч главные заинтересованные лица Ч старательно избегали. Пьер сидел рядом со мной и смотрел в окно, на спине у него болтался ранец, каждый раз, когда попадалось дерево, я ему показывал и говорил, как называется, просто для сведения. Потом увлекся сам и поведал ему о существовании диковинных пород вроде тамариска, кедра и пальмы, не говоря уже о породах тропических, например о баобабе. Ч тут он только рот раскрыл Ч с его неохватным стволом, вот таким, и я развел руки в стороны. А ну, попробуй обхватить, сказал я ему. Нет, шире, шире. Он изо всех сил тянул руки в стороны. Ты слишком мал, заключил я и погладил его рукой по волосам. Полугаевски время от времени озабоченно поглядывал в зеркальце, а мы с Пьером на заднем сиденье улыбались украдкой. Подъехав к школе с опозданием, мы выскочили из машины, влетели вихрем в пустынный внутренний двор, протрусили по нему рысцой и все четверо вбежали в главное здание. За прозрачной перегородкой сидел охранник, и Полугаевски принялся объяснять ему причину опоздания Пьера, от нетерпения постукивая косточками пальцев по стеклу. Охранник глядел на него из своей кабинки и, похоже, не понимал, чего от него хотят, потом поднялся, приоткрыл дверь и сказал, что обращаться надо к директрисе, третья дверь в конце коридора. Мы прошли коридор до конца, но директорского кабинета не обнаружили, тогда Полугаевски шмыгнул в большую школьную столовую и исчез там в надежде получить какую-нибудь информацию, но вернулся ни с чем и, отказавшись от дальнейших попыток найти кабинет директора, велел Пьеру вести нас в класс. Мы тронулись в путь, Пьер с ранцем на спине шагал по длинным ярко освещенным коридорам и время от времени оборачивался посмотреть, следуем ли мы за ним. Здесь, сказал он,

остановившись перед дверью своего класса, и мы, поспорив немного, тихонько постучали и на цыпочках вошли. Это был современный класс, весь желто-белый, по стенам красовались детские рисунки, за низенькими партами сидели человек двадцать мальчиков и девочек и смотрели на нас. Учительница поднялась из-за стола и направилась к нам, между тем как дедушка Ч сама галантность Ч чуть было не поцеловал ей руку, со всей возможной учтивостью и дипломатичностью принося извинения за прерванный урок. Ничего, ничего, отвечала она кокетливым голосом и увлекла нас троих в коридор, оставив дверь приоткрытой, чтобы видеть класс. Тут уж Полугаевски развернулся на всю катушку и, сочетая вкрадчивое лукавство с жестким рационализмом, стал объяснять, почему опоздал Пьер, но она, не дав окончательно соблазнить себя латинской цитатой, извинилась, что вынуждена нас покинуть, попрощалась и вернулась к своим ученикам, мы же втроем встали на цыпочки и, дотянувшись до застекленного окошка в двери, отыскивали глазами Пьера, сидевшего в четвертом ряду рядом с кудрявой белокурой девочкой в целомудренном небесно-голубом комбинезончике. Когда мы, теперь уже не спеша, шли по школьному двору, болтая о том о сем, Полугаевски, будучи в отличном расположении духа, предложил нам прокатиться в Кретей забрать автомобиль и газовый баллон. Вскоре мы уже неслись по окружной, минув то один автомобиль, то другой, весьма рискованно виляя при обгонах. Полугаевски сидел за рулем согнувшись, будто собирался разогнаться еще сильнее, а я на заднем сиденье с беспокойством глядел на мелькавшие дорожные указатели, где стрелками обозначалось направление на Нанси и Страсбург. По счастью, мы не умчались ни в Эльзас, ни в Лотарингию, а вовремя свернули на Кретей и, пропетляв под дождем по асфальтово-серым улицам новых кварталов, подъехали к торговому центру (день начинался многообещающе).

Собственно, мы с Паскаль провели в Лондоне всего одну ночь, и это единственный упрек, который я могу адресовать Англии. После ужина Ч нашего первого ужина вдвоем Ч мы вернулись в гостиницу, и Паскаль сразу же улеглась на кровать. Я сидел рядом и тихонько с ней разговаривал, поглаживая ее пальцем по лбу, она кивала с закрытыми глазами и иногда чуть шевелила губами, потом она совсем перестала отвечать, и я понял, что она спит. Я уже и раньше замечал в ней Ч в каждом ее действии, движении Ч какую-то глубинную фундаментальную лень и с умилением всякий раз констатировал, что, будучи весьма живой по натуре, она постоянно отгораживалась от жизни эдакой беспримерной усталостью. Я поднялся, подошел к окну, постоял. Внизу я видел ограду темного парка, терявшегося в ночи; по улице время от времени бесшумно проезжали такси. Я задернул шторы, вернулся к кровати и осторожно, стараясь ее не разбудить, снял с нее пальто, поддерживая голову рукой. Затем принялся за платье Ч она помогала мне, постепенно принимая сидячее положение, потом хотел расстегнуть бюстгалтер, но у меня ничего не получилось, и я подумал, что для этого, вероятно, правильнее держать руки за спиной, а потому, сев к ней спина к спине, в самом деле с легкостью Ч разумеется, относительной Ч расстегнул его. Работенка, скажу вам. Вещи ее я аккуратно сложил на кресло. Пижаму, прошептала Паскаль. Держа руки в карманах, я стоял посреди комнаты и смотрел на нее. Пижаму, повторила она и без сил повалилась на бок, успев только вытянуть руку. Я достал из сумки пижаму, темно-синюю, широкую, отглаженную, с белой каемочкой на воротнике, и, усадив Паскаль на постели, стал надевать на нее курточку; пока я застегивал пуговицы до самой-самой верхней, она покорно сидела лицом ко мне, уронив голову на грудь. Свет, проговорила она в изнеможении, свет мешает. Потом, почесав под трусами, она чмокнула губами наподобие поцелуя, пролепетала: спокойной ночи, и снова упала.

На другое утро в полумраке комнаты, полупроснувшись, я держал Паскаль в своих объятиях, поглаживая ей грудь под пижамой. Она тоже еще дремала, мы соединились во сне, лаская друг друга лицо, волосы, шею, и моя мужская плоть погрузилась в ее горячее с ночи тело. Так мы проспали еще немного, бережно обнимая друг друга, иногда едва заметно вздрагивая и ощущая приливы жара, свидетельствующие о том, что сон наш не был спокоен. Первой проснулась она в самый момент моего извержения и с изумлением открыла глаза. Потом она потерлась лицом о мою щеку, очень нежно мне улыбнулась и, приложив руку к моему виску, что-то зашептала на ухо. Комната тонула в сумраке хмурого дня, мы долго валялись в постели и строили планы, глядя на дождь за окном. Паскаль достала из сумочки расписание поездов и, сидя рядом со мной, листала его совершенно голая, в одном только белом носке и в очках, которые обычно надевала за рулем. Я лежал на спине и не мог отвести глаз от этого единственного носка (собственно говоря, мне не давало покоя загадочное исчезновение другого). Пошарив под одеялом теплыми со сна ногами, я ничего не нашел, потом свесился с постели и, опершись рукой о пол, поискал вокруг. Носок лежал комочком на ковре как раз посередине между ночным столиком и телевизором. Как он там

оказался Ч тайна. Я сказал Паскаль про носок, она мельком сравнила свои две ноги, обнаружила несходство, но тут же о нем забыла, углубившись в изучение расписания. Ночной поезд отходит, невозмутимо сообщила она, поигрывая пальчиками голой ноги, поздно вечером, так что у нас есть целый день на осмотр Лондона (вот только номер надо было освободить в полдень).

Уплатив по счету юной администраторше в серой юбке и ослепительно белой блузке, мы обсудили, стоит ли оставлять вещи в гостинице. Сумка показалась нам не слишком тяжелой, а потому, взяв ее с собой, мы вышли из гостиницы и быстро-быстро, чуть ли не бегом, припустили под дождем, стараясь держаться вдоль стен. Между тем лило как из ведра, мы спрятались под козырьком подъезда и стояли там вдвоем, с мокрыми волосами, вглядываясь в небо, она с одной стороны, я Ч с другой. Как только ливень немного утих, мы двинулись дальше, прошагали еще полчаса и оказались перед большой гостиницей, куда я предложил зайти выпить кофе, а то даже и чаю, если она пожелает Ч я был готов на все. Да, на все. Я открыл дверь и увидел парадно одетого швейцара в сером сюртуке и жилете, дремлющего в холле на стуле. Когда мы вошли, он смущенно нацепил фуражку, встал как ни в чем не бывало перед дверью и, заложив руки за спину, уставился куда-то вдаль. Я обернулся на него, держа сумку в руке, а Паскаль уже шла впереди меня с мокрыми прядками на глазах, широко расставив руки, чтобы с рукавов стекала вода. Мы пересекли холл и наугад углубились в коридоры, пока не дошли до просторной гостиной в бледно-желтых тонах с величественными и замысловатыми люстрами на потолке, диванами по стенам и низкими столиками, на которых лежали газеты. Расположившись в широком кресле Ч волосы слиплись у меня на затылке, лоб был мокрым, а по щеке медленно сползала капля, Ч я осмотрелся: превосходное место для отдыха, и безлюдное к тому же, только на другом конце зала, перед подносом с чаем, дама в пенсне читала детектив. В этой гостиной мы провели всю вторую половину дня и лишь иногда, оставив на столике пустые чашки и объедки легкой трапезы, заменившей нам обед, выходили размяться. Разглядывали часы и шарфы на витринах в холле у входа. Там были еще рубашки, выставленные на специальных вертикальных подставках, однотонные и в полосочку, мы бродили по лестницам и коридорам других этажей (где редкие встречные тарасились на нас, словно на какую-то диковинку).

Под вечер мы прибыли на вокзал, нашли багажную тележку и сели на нее рядышком у самой платформы, поставив сумку перед собой. Я то и дело вставал, прохаживался вокруг тележки, а Паскаль следила за мной взглядом, поворачивая голову по мере необходимости. Потом я купил несколько газет, разбухших от многочисленных воскресных приложений, вернулся к тележке и положил на нее всю кипу; газеты мы поделили, я открыл одну, полистал, просмотрел новости спорта и углубился в международную политику (это моя слабость). Время от времени мимо нас проходили люди, и я неторопливо опускал газету, обдумывая то или иное событие. Ожидающих было много: одни в зале у касс, другие Ч под расписанием, уборщик мусора расхаживал с длинным острым стержнем, накалывая на него грязные бумажки Ч ну прямо Манчестер. Паскаль, нацепив очки, добросовестно изучала газету, развернув ее на всю тележку. По мере того как приближалось время отправления поезда, позади нас начали собираться люди, одни с чемоданами, другие с набитыми рюкзаками, желтыми или оранжевыми, из которых торчали где дорожные карты, а где и пара сапог; постепенно за нашей спиной выстроилась очередь, пучившаяся горами багажа с сидящими на чемоданах пассажирами. Мы на своей тележке были первыми, поскольку сидели перед самым выходом на перрон. Наконец появился контролер, отстегнул цепочку, и мы вышли на платформу, оставив тележку в проходе.

В Ньюхейвен мы прибыли глубокой ночью, поезд медленно подполз к темному тихому вокзалу. В окно купе мы видели склады, гигантские краны, нависшие над рельсами, товарные вагоны на запасных путях. Потоки дождя извергались на платформу, закручивались водоворотами, я отчетливо различал вдали россыпи капель в световом луче портового прожектора. Я разбудил Паскаль, спавшую напротив меня бесподобным паскалевским сном, мы сгребли в кучу газеты и вышли вслед за другими пассажирами. В ярко освещенном здании морского вокзала все ринулись к выходу в порт, Паскаль же села на столик для таможенного досмотра и мгновенно заснула, привалившись к дорожной сумке. Я не стал ее беспокоить и, засунув руки в карманы, прошелся по залу мимо телефонных кабинок и представительств пароходных компаний. Магазин беспощинной торговли был закрыт, я постоял немного перед застекленной витриной, угадывая в темноте на полках ряды бутылок со спиртным. Чуть дальше, возле таможенного поста, я увидел кабинку фотоавтомата, старенькую железную кабинку с приоткрытой серой занавеской. На полу перед

табуреткой Ч вытоптанное белесое пятно, кое-где следы мокрых ботинок. Снаружи в рамочке под стеклом красовались передержанные образчики предыдущих опытов работы с автоматом и краткий сопроводительный текст, объяснявший, как добиться столь блистательных результатов. Я посчитал, хватит ли у меня мелочи, вошел в кабинку и задернул занавеску.

Отрегулировав высоту табурета, я сидел в темноте, но опускать монеты в аппарат не торопился. Условия и в самом деле исключительно благоприятствовали размышлению. Давеча на перроне морского вокзала я смотрел, как струится дождь в луче прожектора Ч замкнутом, четко очерченном пространстве, лишенным вместе с тем материальных границ, словно пульсирующее пространство Ротко, теперь же я воображал, как порывы ветра сносят этот дождь из освещенного конуса в ночь, хотя реальный переход из света во тьму уловить невозможно, и дождь казался мне подобием мысли, которая, высвечиваясь на мгновение, одновременно исчезает, сменяясь самой собой. Потому что думаешь всегда о чем-то другом. Прекрасно лишь течение мысли, и только оно, ее тихое бормотание, не сливающееся с гулом мира. Попробуйте остановить мысль и зафиксировать ее содержание при свете дня, и вы получите Ч как бы это сформулировать, вернее, как бы обойтись без формулировок, чтобы сохранить размытость очертаний, Ч вы получите воду на ладони, утекшую сквозь пальцы, следы безжизненных капель, иссушенных светом. Отгородившись от внешней суеты, я сидел один в темной кабинке и думал Ч внутри меня воцарилась ночь. Лучше всего размышляется и мысль вольготнее всего петляет по изгибам привычного русла, когда ты на время прекращаешь сопротивляться необоримой реальности Ч тогда напряжение, накопленное, чтобы защищаться от ударов и ран, пусть мельчайших, начинает постепенно слабеть, будто камень спадает с души, и ты один в замкнутом пространстве, следуя течению своей мысли, постепенно переходишь от ощущения тяжести жизни к сознанию безнадежности бытия.

Паром покинул порт Ньюхейвена, позади осталась оранжевая пунктирная линия береговых огней. Море было темным, почти черным, и небо, беззвездное, безысходное, сливалось с ним на горизонте. Палуба быстро опустела, только за спиной у меня две фигуры в капюшонах лежали на скамейке, укрывшись шерстяными пледами. Подняв воротник пальто, я стоял, облокотившись о борт, и смотрел, как судно скользит по воде. Мы с ним неудержимо двигались вперед, я чувствовал, как тоже плыву, ласково, без усилий разрезая волны, это было просто, как тихая смерть или как жизнь, не знаю, все совершалось помимо моей воли, теплоход уносил меня в ночь, я глядел на пену, которая билась о корпус с легким плеском, мягким и размашистым, словно безмолвие, и жизнь моя катилась себе и катилась в бесконечном возрождении пенистой волны.

Мы все дальше отходили от Ньюхейвена, на горизонте оставалась лишь едва различимая цветная полоска, медленно тающая в море. Я повернулся, прислонился к борту спиной. Прямо передо мной металлическая лестница вела к верхней палубе, из большой трубы теплохода поднимался дым, вздернутый на мачту флаг трепетал на ветру. В кармане пальто я ощущал под пальцами влажную поверхность только что сделанных снимков. Они еще окончательно не просохли и чуть клеились к рукам. Я вынул снимки из кармана, осторожно на них подул, потом чиркнул зажигалкой и внимательно рассмотрел их в свете пламени. Четыре черно-белых фотографии запечатлели меня анфас, ворот рубашки приоткрыт, на плечах темное пальто. Выражение лица самое обыкновенное, если не считать некоторой усталости от собственного присутствия. Сидя на табурете, я смотрю прямо перед собой Ч голова чуть опущена, во взгляде настороженность, Ч я улыбаюсь в объектив, нет, просто улыбаюсь, такая у меня улыбка.

Опершись о борт, держа фотографии в руке, я глядел на море, которому не было конца, на качающиеся округлые волны без пены. Дождь, не прекращавшийся ни на минуту, сыпавший мелкой моросью, которая смешивалась с морскими брызгами и делала одежду липкой, а руки влажными, вдруг захлестал по палубе с неистовой силой; я прошелся вдоль борта, наблюдая, как море в одно мгновение превратилось в громадное, черное, грохочущее от ливня решето. Покинув палубу, я спустился по одной лестнице, потом по другой и углубился в темные безмолвные проходы между рядами мягких бежевых сидений, на которых спали люди. Время от времени кто-нибудь приподнимал голову и сквозь сон с любопытством смотрел на меня. Так я добрался до кормы и очутился в таком же безмолвном круглом зале перед металлической решеткой закрытого бара и пустой неосвещенной танцплощадкой. В зале спали человек сорок, лежали где придется, на сиденьях и на полу, скрючившись в спальных мешках. Тут была и Паскаль. Моя любовь спала

своим особым, несравненным сном, закрыв глазки и уронив голову на дорожную сумку.

Мне не спалось; просидев какое-то время в темном салоне с открытыми глазами, я пошел прогуляться по теплоходу, лавируя между спящими на полу телами. Площадка верхнего твиндека оказалась оживленнее других, я остановился там на минуту позади человека, всерьез поглощенного битвой с игровым автоматом, по экрану которого проплывали авианосцы, груженные вертолетами. Ч их следовало как можно быстрее посылать бомбить корабли противника, предупреждая вражескую атаку. Человек стоял в метре от меня, согнувшись над экраном, и неистово тербил ручки, запуская вертолеты; стиснув губы, он судорожно вжимался тазом в автомат, чтобы как следует жახнуть электронными лучами по кораблям, взрывая их один за другим, пока не появился в небе самолет противника. Ч тут он выгнулся, попятился, едва не сбив меня с ног, налег на ручки в последней отчаянной попытке парировать удар, и был сражен на лету. По окончании партии он спокойно обернулся ко мне попросить огоньку, и я увидел, что он внешне нисколько не взволнован. Мы даже перекинулись несколькими словами на французском, я спросил, нет ли где-нибудь открытого бара, а он, поблагодарив меня за огонь, затянулся, держа сигарету дрожащими пальцами, и ответил, судорожно мигая, что ресторан самообслуживания, по его представлениям, открыт круглосуточно. Я спустился по лестнице на самую нижнюю палубу, прошел несколько метров и оказался в ресторане. В убогом мрачном зале зияли по стенам несколько засаленных иллюминаторов, непроглядных от темноты, бежевые пластиковые столы и кресла с металлическими подлокотниками крепились к полу. За столиками среди грязных тарелок, переполненных пепельниц и скомканых пачек из-под сигарет сидели полтора десятка человек. Прихватив поднос, я прошел с ним вдоль стойки по отгороженному перильцами коридору и взял на прилавке с напитками полбутылки сансерского белого. Тучный кассир с жирными, слипшимися от пота волосами, в черных брюках и белой рубашке дремал за кассой, расстегнутый ворот обнажал обрюзгшую потную грудь. Рядом с ним стояла початая бутылка пива; скрестив руки, он смотрел на меня отсутствующим взглядом. Я медленно брел вдоль стойки, толкая перед собой поднос, на котором удерживал в равновесии бутылку; не найдя стаканов, кроме пластмассовых, я обратился к кассиру и попросил у него стеклянный. Нормальный, то есть, стакан. А это что, не стаканы? - сказал он, показывая на стопку пластмассовых. Отчасти да, согласился я и объяснил, что предпочел бы настоящий. Значит, настоящий, повторил он. Так приятнее, добавил я, мечтательно постукивая пальцем. Он взглянул на меня. Согласитесь, сказал я. Короче, вы желаете стакан, буркнул он с раздражением и поднялся с табурета. Да, стакан, подтвердил я, тем более что просьба не казалась мне экстравагантной. Предпочтительнее фужер, прибавил я осторожно (в жизни лучше быть разочарованным, нежели ожесточившимся, ведь правда?).

Усевшись в глубине зала нога на ногу, я потягивал сансерское из украшенного гномиком стаканчика для горчицы. Ч его раздобыл-таки мне кассир. Он вернулся на прежнее место и, сложив руки на груди, молча потел на своем табурете. Вдоль стойки к нему направлялась теперь дамочка с подносом; в дальнем углу парочка панков средних лет мирно жевала сосиски. Итак, я сидел в ресторане на пароме, направлявшемся в Дьеп и ощущал это мгновение с чрезвычайной остротой, как бывает в пути, где все временно и преходяще и где сознание лишено привычных опор. Постепенно я перестал воспринимать окружающую реальность и на какую-то долю секунды исчез отовсюду, продолжая существовать только в собственном сознании: пункт отправления уже стирался в памяти, а до места назначения было еще далеко. Я отпил глоток вина и тут заметил возле себя на пустом сиденье забытый кем-то маленький черный, с металлической окантовкой, завалившийся в углубление банкетки фотоаппарат.

Я вышел на палубу. Ч фотоаппарат лежал у меня в кармане среди никчемных бумажонков и слегка оттопыривал его. Я вовсе не собирался его красть, нет. Когда я взял его в руки, я просто хотел отдать его кассиру, однако тот оказался занят. Ч сдавал сдачу, и я развернулся да вышел из ресторана. Но тут я подумал, что меня могли видеть, испугался, побежал по лестнице и с ужасом понял, что пути назад нет, а уловив за спиной какой-то шум, стал в панике фотографировать что попало, лишь бы закончить пленку, все подряд. Ч ступеньки, собственные ноги; я бежал по лестнице и щелкал, щелкал, щелкал. Оказавшись на палубе, я прислонился к борту перевести дыхание и услышал, как позади открылась дверь. Я поспешно сунул фотоаппарат в карман и замер. Шаги приближались, кто-то прошел мимо меня, не останавливаясь. Когда он скрылся, я достал аппарат, нажал рычажок, открыл корпус, вынул пленку и спрятал ее в карман пальто.

Поднялся ветер, где-то равномерно терся о шкив канат. Вокруг скрещивались яркие, отчетливые тени лебедек, шлюпок, лестниц, трапов. Оставлять аппарат у себя не хотелось, я решил спуститься в ресторан, положить его туда, где нашел, и быстренько уйти, не привлекая внимания. А вдруг по несчастной случайности я столкнусь с владельцем фотоаппарата Ч как объяснить ему мой поступок? Я не знал. Я стал спускаться, стараясь никого не встретить на лестнице. У входа в ресторан я остановился, прильнув к дверному косяку, и заглянул внутрь посмотреть, какая там обстановка. В зале оставалось человек десять, сидели в основном молча, ничего подозрительного не происходило. Я зашел в ресторан, взял поднос, направился к стойке. Однако с той самой минуты, как я вошел, я чувствовал, что кассир наблюдает за мной со своего табурета, и от этого взгляда мне стало не по себе. Я сжимал рукой фотоаппарат в кармане пальто и не решался сделать ни шагу Ч стоял как вкопанный и смотрел на стойку.

Вернувшись на палубу, я нашел укромное местечко за металлической лестницей, ведущей на верхние мостики, сел на деревянный ящик, в котором, должно быть, хранились спасательные жилеты, и просидел там некоторое время в темноте, скрестив руки на груди и прислонившись затылком к холодной, влажной металлической стенке. Теплоход плыл в ночи, я слышал гул мотора и неустанный плеск волн. Местами на палубу падал свет, освещая параллельные планки деревянной обшивки. Я сидел неподвижно, ощущая бедром выпирающий бугорок в кармане Ч фотоаппарат. Я его не вернул, нет, не смог. Перед тем как уйти с палубы, я немного прогулялся, постоял, опершись о парпет. Нигде на горизонте ни кромки земли, только бездонное ночное небо и протянувшееся до неба море. В иные минуты, представьте, я тосковал о смерти. Я смотрел вниз на воду, потом вынул фотоаппарат из кармана и едва заметным движением уронил его за борт; он стукнулся о корпус, отскочил и исчез в волнах.

Вода в бухте Дьепа была черной, грязной, блестящей, кое-где с сиреневыми и зеленоватыми отливами, похожими на бензиновые разводы. После бесконечных маневров в порту часам к пяти утра паром причалил. Было еще темно, когда мы сошли на берег с заспанными лицами и растрепанными волосами. Паскаль прошла несколько шагов, потом остановилась на огромной площадке, простиравшейся перед нами, мы увидели, как, выползая из парома, первые грузовики с зажженными фарами медленно направляются в порт. Перед главным зданием, где помещалась таможня и пограничный контроль, выстроилась длинная очередь, и, поскольку она совсем не двигалась, я пошел прогуляться, пока рассосется толпа. Довольно долго я брел в темноте, сам не зная, куда, наугад, а натываясь на загородку или железные ворота, сворачивал куда-нибудь в сторону. Отойдя на порядочное расстояние, я остановился у самого берега возле тоней, освещенных в ночи, и крытых складов, где сутились торговцы рыбой, поднимали деревянные ящики, взвешивали, ставили их на прилавки, ополаскивали пустые водой из шлангов, мыли пол. Другие в плащах или грубых свитерах ступали по лужам резиновыми сапогами, подхватывали ящики с рыбой и грузили в рефрижераторы. Вдалеке я видел морской вокзал, очередь перед входом немного продвинулась, и я пошел назад вдоль портовых бассейнов. Паскаль стояла одна посреди огромной темной площадки, потерянная, хрупкая. Я подошел к ней, и мы стали ждать вместе, взявшись за руки. Кругом не осталось ни души. Время от времени из порта выезжали рефрижераторы и катили по шоссе, а мы провожали их взглядом. Я вас люблю, тихо сказал я ей.

Мы сидели у окна душного кафе возле вокзала Сен-Лазар и завтракали, устало помешивая ложечкой кофе. На улице еще не рассвело, автобусы с освещенными окнами выезжали с Кур де Ром и вливались в уже интенсивное движение на бульваре. Было утро понедельника, часов семь-четверть восьмого, мы только что приехали в Париж. В многолюдном кафе дверь поминутно открывалась, в нее врывались клубы холодного воздуха, от которого мы всякий раз поеживались. Хозяин за стойкой разливал кофе направо-налево, сахарница так и летала туда-сюда по стойке. Я закурил сигарету и смотрел в окно, а Паскаль сидела напротив меня, положив локти на стол, и задумчиво глядела на свой круассан, изо всех сил стараясь не заснуть, пока его не доест. Я погладил ее по щеке, и мы поцеловались над столом, быстро, точно украдкой, нежно и сонно, а потом чокнулись фарфоровыми чашками, чин-чин, и кофе со сливками колыхнулся, когда мы ставили его на блюдце.

В конторе автошколы было темно и холодно. Закрыв дверь, Паскаль взяла мою руку и, не говоря ни слова, нежно посмотрела на меня. Мы стояли и не двигались Ч всего несколько секунд, Ч мы просто смотрели друг на друга и улыбались тому, что мы вместе. Горевшая на столе лампа

очерчивала островок зеленоватого света, на котором мы были одни; из темноты чуть выступали шкафы с полками и пустые стулья. Одна стена была сплошь увешана плакатами с изображением дорожных знаков различной формы, круглых и треугольных, по большей части красно-белых или еще желтых, перечеркнутых черным, с выразительными идеограммами железнодорожных переездов, камнепада и даже лося в прыжке, изящного и загадочного, летящего в никуда, которого я некоторое время изучал сквозь сумрак. Паскаль нагнулась поднять почту, подложенную под дверь, и пока она ее просматривала, я стоял у окна и пальцем чертил на стекле прямоугольник на прямоугольнике, воображая, будто это фотографии Ч одни большие, вмещавшие всю перспективу улицы и домов напротив, другие узкие, выхватывающие из общей панорамы автомобиль или прохожего на тротуаре. Потом я закурил сигарету и, постояв еще немного у окна, пошел и сел на пол в дальнем углу. Запахнув пальто, я неподвижно сидел у стены под экраном, уставившись в потолок, и время от времени затягивался. На островке зеленого света я видел Паскаль, она стояла у стола, вскрывала письма и складывала одно за другим в ящик. Потом она подняла голову, что-то обдумывая, я любовался ею, по-прежнему не шевелясь, затем потушил сигарету. Сегодня ночью, сказал я тихо, я украл фотоаппарат.

"Боинг" разогнался на взлетной полосе, я приник к креслу, чувствуя, как ускорение передается и мне, стараясь воспользоваться его разгоном, оторваться от земли и взлететь самому Ч и вот взлетел, вознесся, повис над аэропортом Орли, и дверцы ящиков для ручной клади перестали дрожать. Мы летели уже полчаса, в иллюминатор я видел голубое, залитое солнцем небо над облаками Ч над слоем белых, твердых, словно айсберги, а вовсе не ватных облаков, они имели четкие контуры и формы, я различал гребни и другие неровности пустынного рельефа, где солнцем подчеркивалась каждая выпуклость. А дальше, вбок, насколько хватало глаз, простиралось небо, неправдоподобно голубое, бесконечно гладкое, такое близкое и в то же время холодно отстраненное, недостижимое и непостижимое. Самолет, казалось, замер, ничто не двигалось вокруг, склонившись над иллюминатором, я погружался мыслями в невнятные и манящие воздушные бездны и думал о том, что, если бы не выбросил фотоаппарат, я бы мог сейчас фотографировать небо, фиксировать в кадре длинные одинаково голубые прямоугольники, прозрачные той прозрачностью, к которой я так стремился несколькими годами раньше, когда пытался сделать снимок, один-единственный, что-то вроде портрета, вернее, автопортрета, но без меня и без никого Ч просто присутствие, цельное, обнаженное, уязвимое, бесхитростное, без заднего плана и без яркого света. Продолжая вглядываться в небо, я вдруг понял, что сделал этот снимок на пароме, где неожиданным образом мне удалось вырвать его у себя и у мгновения Ч я бежал тогда в темноте по лестницам, фотографируя почти бессознательно и одновременно освобождаясь от той фотографии, которая разъедала меня изнутри. Я выхватил ее в гуще жизни, хотя она была глубоко запрятана в сокровенные недра моего существа. Это была как бы фотография неистового порыва, который я носил в себе, запечатлевшая в то же время его обреченность и неизбежность последующего крушения. На ней я бегу, бегу со всех ног, перескакивая через металлические стрелы корабельных ступенек, изображение ускользает, но остается неподвижным, движение словно бы застыло, не движется ничто, независимо от того, есть я в кадре или отсутствую; этот снимок должен был передать всю бесконечность неподвижности, которая предшествует жизни и наступает после нее, такая же близко-далекая, как небо за стеклом иллюминатора.

На следующий вечер я возвратился в Париж, утомленный от непрерывных перемещений. Из аэропорта Орли я выезжал, когда уже стемнело, такси вела женщина, ее сопровождала собака, всю дорогу дремавшая рядом с ней на подушке. Фары встречных автомобилей время от времени рассекали темноту кабины, поблескивали световые индикаторы на панели управления. Мы скользили с одной полосы на другую, на горизонте мерцали в ночи огоньки, вспыхивая разноцветными отсветами. Проехав несколько километров, дама свернула на бензоколонку заправиться, а я вышел покурить. Вдали светились здания Орли-Сюд, мигали красными фонариками неторопливо заходящие на посадку самолеты. Потом я бродил без цели по улицам ночного Парижа, спустился по лестнице к самой Сене. Тьма стояла непроглядная, и беззвучно текла во мраке река. Да-да, вообразите, вернувшись в Париж, я стоял на набережной в черной тени одинокой липы, глядел на хмурую реку и вспоминал о выброшенном в море фотоаппарате, ржавевшем, должно быть, теперь на глубине сорока метров; я представлял себе как он лежит чуть наискось где-то на илистом дне Ла-Манша в мутной и мглистой воде, уже опутанный водорослями.

Через несколько дней я забрал из мастерской пленку, отснятую той ночью на трапах парома. Мне выдали голубенький конверт, где лежали одиннадцать ярких цветных фотографий Ч кричащих тонов, какие обычно дает "мыльница", Ч фотографий, запечатлевших мужчину и женщину, мужчина был тучный, лет тридцати, бледнолицый и светловолосый, женщина Ч чуть моложе, блондинка с коротко стриженными волосами, одетая в розовую блузку на большинстве снимков. Лица их мне ничего не говорили, вряд ли я когда-нибудь их видел, но я не сомневался, что это и были владельцы аппарата Ч последний снимок был сделан в ресторане, надо думать, незадолго до того, как аппарат забыли на банкетке. Ни одна из тех фотографий, которые сделал я сам, распечатана не была, а просмотрев внимательно негативы, я убедился, что все кадры начиная с двенадцатого были одинаково недодержаны, и лишь кое-где угадывалась бесформенная тень Ч неуловимый след моего отсутствия.

Нигде не было видно ни огонька, только пустынная дорога, уходящая в ночь, лесок по бокам да ферма на горизонте; я шел по обочине один, позади уже скрылась из виду усадьба, где я гостил. Хозяева предлагали отвезти меня на станцию на автомобиле, но я предпочел прогуляться и ушел, несмотря на поздний час, пешком. За оградой парка начиналась терявшаяся во мраке дорога, узкая дорога, которой, казалось, не было конца. Не слыша вокруг ни звука, кроме равномерного шарканья собственных подошв по асфальту, я шел по заброшенному шоссе и видел над головой на три четверти полную луну и продолговатое облачко, рассекавшее ее ореол. Вскоре показались первые дома поселка, я вступил на спящую и безлюдную центральную улицу, по обеим сторонам ее выстроились молчаливые домишки, закрытые магазины, галантерейная лавка, кафе с темными окнами, за которыми угадывались тени опрокинутых на столы стульев. Вокзал находился чуть в стороне, дойдя до него, я остановился на площади с круглой клумбой посередине и возвышавшимся в ночи памятником погибшим. Тускло светили фонари, на площади не было ни души, даже ни одного автомобиля, только полосы, начерченные на асфальте белой краской, обозначали пустовавшие места стоянки. Все было тихо. Зернистая штукатурка делала фасад вокзала похожим на театральную декорацию с смонтированными в нее часами, стрелки которых показывали без четверти полночь.

Войдя в здание вокзала, я очутился в совершенно пустом зале с деревянными скамейками вдоль стен и стеклянной дверью, за которой виднелась неосвещенная крытая платформа. В кассе никого не было, в соседнем с ней помещении, где на контрольном пульте мигали красные огоньки, Ч тоже. Раскрытая газета лежала на столе, на ней Ч очки. Я прошелся по платформе, не встретил никого, кроме курицы, которая в испуге бросилась бежать по рельсам, и снова вышел на площадь.

Потом я вернулся в здание вокзала, сел на деревянную скамейку у стены и стал ждать, от нечего делать рассматривая фотографии, которые достал из голубенького конверта, где они лежали. За истекшие сутки я уже много раз смотрел на эти одиннадцать цветных карточек с белой каемочкой и понемногу свыкся с незнакомыми лицами владельцев фотоаппарата. Мужчина только раз был запечатлен в одиночку Ч в желтой водонепроницаемой накидке он стоял, опустив голову, под дождем в большом парке у фонтана. На других фотографиях, наоборот, молодая женщина была одна Ч в Лондоне, на пригородной дороге, в дождевике на фоне дома, в розовой блузке, а перед ней пластмассовый стаканчик музейного кафетерия. На одном из последних снимков они были сфотографированы вместе перед оградой какого-то здания, мужчина обнимал женщину за талию, и оба они натужно улыбались в объектив. Безобидные, казалось бы, фотокарточки вызывали у меня смутное беспокойство Ч я соприкасался с интимной жизнью людей, видеть которую мне не полагалось, более того, от фотографий веяло каким-то невольным бесстыдством. Безыскусность снимков, в большинстве своем сделанных как попало, только усиливала ощущение реальности, неоспоримой, грубой, почти непристойной, заявлявшей о себе во весь голос. Но еще сильнее я взволновался, когда, в очередной раз перебирая всю пачку, присмотрелся повнимательней к одной из карточек, предпоследней Ч прежде я ничего особенного в ней не замечал. Фотография была сделана в зале морского вокзала в Ньюхейвене, и я внезапно разглядел позади молодой женщины на переднем плане стойку таможенного досмотра и фигуру спящей Паскаль.

Я сидел в зале ожидания один, служащий в накинутом на плечо синем пиджаке явился только за полночь. Пока он открывал свою кабину, я встал и направился к нему, убирая фотокарточки в конверт, и, побеседовав с ним через окошко, узнал, что последний поезд на Париж уже ушел, а следующий Ч завтра в семь утра. Он погасил свет в дежурке, потом в зале, потянув за рычаг,

управлявший всем освещением вокзала, вышел из кабины, запер дверь, ведущую на платформу, и попросил меня не задерживаться на вокзале, поскольку ему надо закрыть его на ночь. Я стоял рядом с ним, пока он запирает главный вход, но на мои вопросы он не отвечал, не мог сказать, в частности, есть ли еще поезда на Париж из Орлеана. Затем он лаконично попрощался и укатил в ночь на велосипеде с мотором. Возвращаться в такое время к друзьям в усадьбу мне не хотелось, а потому я двинулся вслед за ним, миновал поселок и, оказавшись вскоре на перекрестке оживленного шоссе, пошел вдоль него по направлению к Орлеану. Я шагал по узкой обочине, обрывавшейся в канаву с темной стоячей водой, и фары проезжавших вплотную ко мне автомобилей то и дело ослепляли меня. Время от времени на бешеной скорости проносились грузовики, обдавая жарким дыханием, от которого воздух вокруг дрожал. Стараясь держаться подальше от дороги, я забрел на автостоянку перед супермаркетом. Я ступал в темноте по каким-то железнякам и вдруг среди трупов пивных бутылок, которыми была усеяна полоска грязной травы, увидел белую-белую трепетную маргаритку, периодически озаряемую фарами. Машин становилось все меньше, и в конце концов я оказался в совершенно пустынном месте, без единого огонька на горизонте, без признаков жилья и следов какой-либо хозяйственной деятельности, с одними только бескрайними полями по обеим сторонам дороги. Сколько я так отшагал? Ч не знаю, когда увидел перекресток, издали заметный на равнине, а рядом указатель, на котором прочел, что до Орлеана осталось семнадцать километров.

Это был геометрически правильный перекресток, четыре дороги сходились тут в чистом поле; в темноте виднелась кабинка телефона-автомата с чуть приоткрытой дверью, и больше ничего вокруг, только мрак да тишина. Плотные черные тучи на небе почти целиком закрыли луну, лишь ватные контуры чуть подсвечивались. Стоя на обочине, я порылся в карманах, обнаружил монетку, всего одну, пересек шоссе и, войдя в телефонную кабинку, чиркнул зажигалкой, ища табличку с номером, по которому можно сюда позвонить. Было около двух часов ночи, я держал трубку в руке и все не решался набрать телефон Паскаль. Я уже опустил монету, и, пока я ждал, длинный гудок завывал в темноте с нарастающей громкостью. Я на секунду зажмурился, а потом медленно-медленно стал нажимать цифры, из которых складывался номер. Зазвучали гудки, затем кто-то снял трубку, и наконец, в кромешной тьме, робко прижимая ухо к трубке, я услышал ее заспанный голос.

Я попросил Паскаль перезвонить мне в автомат, открыл дверь, прошел несколько шагов, не отводя взгляда от кабинки, где с минуты на минуту должен был раздаться звонок для меня. Она серела в ночи, даже как будто чуть серебрилась в лунном свете, а вокруг Ч ни огонька, только поля да поля, простиравшиеся, насколько хватало глаз. Я присел на край дороги, время шло Ч Паскаль не перезванивала, и я подумал, не заснула ли она. Немного погодя я вернулся в кабинку, закрыл дверь и тихо сполз вдоль стенки на пол. Брюки у меня слегка задралась, я сидел и смотрел сквозь стекло на пустынные поля. Изредка еще проносились мимо машины, выезжая на перекресток, ярко светили мне в лицо, а потом от них оставалась лишь медленно удалявшаяся полоска света.

Я сидел в темной телефонной будке, запахнув пальто, и не шевелился Ч я думал. Да, вообразите, думал, а когда я думал, устроившись в укромном месте и закрыв глаза, я словно бы вступал в иную жизнь, по формам, дыханию и ритму идентичную настоящей, сравнимую с ней во всех отношениях, но не знающую ран, страданий и боли, жизнь отстраненную, расцветающую на обломках сокрушенной внешней реальности, где другая реальность, внутренняя, податливая, смаковала каждое преходящее мгновение; я мыслил не словами, не образами и даже не звуками, если не считать знакомого мерного бормотания, но движущимися формами, которые проплывали в моем сознании, будто уносимые временем, в своей неукротимой и покойной очевидности; трепетными формами с неуловимыми контурами, беззвучно скользящими в ровном и ласковом, бесполезном и грандиозном потоке. Я думал, да, и то были минуты неиссякающей благодати; все страхи улеглись, опасения рассеялись, и в душе постепенно стихала жгучая боль от еще не полученных ран. Плавно текли равномерные часы, мысли сплетались и расплетались чувственно и неуловимо, словно бы подчиняясь игре разнородных таинственных сил, которые то останавливали их в некоей почти осязаемой точке моего сознания, то бросали против течения, а после отпускали плыть в бесконечность умиротворенного безмолвия моего рассудка.

Занимался день, я видел, как он зарождается за стенами кабинки; было еще темно, но темноту уже смягчила голубоватая заря; ничто не шевелилось вокруг, день зарождался у меня на глазах,

постепенно насыщаясь легкими светозарными тонами, и воздух, дрожа, становился все прозрачней; сидя за стеклом телефонной будки, один среди совершенно пустого пространства, я смотрел, как пробуждается день, и думал только о настоящем, о текущей минуте, снова и снова стараясь удержать ее ускользающую красоту, как пытаются острием булавки бабочку закрепить на картоне живой.

Живой.

[в начало страницы](#)

© 2001 Журнальный зал в РЖ, "Русский журнал" | Адрес для писем: zhz@russ.ru
По всем вопросам обращаться к [Татьяне Тихоновой](#) и [Сергею Костырко](#) | [О проекте](#)